

АЛЕКСАНДР АСМОЛОВ

ЛЮЧИ ОТ ДОМА

электронная книга

Александр Георгиевич Асмолов

Ключи от дома (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21528175

Ключи от дома (сборник):
ISBN 978-5-903438-09-9

Аннотация

Мы, живущие на Земле, только на первый взгляд одинаковы. Некоторые подобны звездам на небе. Свет от их поступков и мыслей даже после смерти еще долго согревает души оставшихся. Рано или поздно каждый задает себе вопрос – зачем я пришел на эту Землю. Отвечают по-разному. Одни – для простых развлечений, другие – служить великой идее, некоторые – блаженствовать в вере, иные – утолить жажду познаний, и лишь избранные встречают любовь. У каждого свои ключи от дома, где обитает душа. Будет ли он темницей, замком в горах или шалашом на весеннем лугу определяет судьба. Размышления об этом порой не дают мне уснуть. Захотелось сформулировать их в виде рассказов, вошедших в эту книгу, а в твоём лице, дорогой читатель, найти собеседника.

Содержание

У Камина	7
Вместе	7
Маляр	42
На закате	50
Наше прошлое	66
Осенний полдень	76
Последний бой	80
Поворот	86
Под андреевским флагом	99
Последний день одиночества	105
Прощай, любимый город	111
Отрывок	115
Светкина история	121
Сильвер	125
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Александр Асмолов

Ключи от дома (сборник)

© АСМОЛОВ А.Г., 2006

* * *

Александр Асмолов

Мы, живущие на Земле, только на первый взгляд одинаковы. Некоторые подобны звёздам на небе. Свет от их поступков и мыслей даже после смерти ещё долго согревает души оставшихся. Рано или поздно каждый задаёт себе вопрос – зачем я пришёл на эту Землю?

Отвечают по-разному. Одни – для простых развлечений, другие – служить великой идее, некоторые – блаженствовать в вере, иные – утолить жажду познаний, и лишь избранные встречают любовь.

У каждого свои ключи от дома, где обитает душа. Будет ли он темницей, замком в горах или шалашом на весеннем лугу определяет судьба. Размышления об этом порой не дают мне уснуть. Захотелось сформулировать их в виде рассказов, вошедших в эту книгу, а в твоём лице, дорогой читатель, найти собеседника.

У Камина

Вместе

Последний солнечный луч, блеснув на водной глади, скользнул по судам у пирса, рукастым портовыми кранам, огромным пакгаузам и стал подниматься вверх по склонам гор, которые, как чаша, окружали гавань, пока совсем не исчез. Вместе с прохладным бризом со стороны открытого моря, лавируя между молами, перекрывающими порт от нагулявших силу на открытой воде волн, бухту начали заполнять сумерки. Постепенно они стали превращать зеленоватый цвет морской воды, чем-то напоминавший китайский чай на доньшке изящной светлой чашки, в остатки черного кофе. Скрывшееся за высокими краями гор солнце уступило свои права южному вечеру, который стал наполнять все в округе неясными полутонами, в которых каждый мог найти для себя какие-то намеки и недомолвки. Недосказанность и неопределенность у романтиков рождает жажду творчества, а у остальных смертных – чувство тревоги. Наверное, поэтому они сразу же зажигают огни, продолжая работу: в порту швартуются корабли, снуют автопогрузчики, как трамваи, позванивают краны, выхватывая из темноты лучами прожекторов грузы, извлекаемые из трюмов, низкие голоса танке-

ров зовут на помощь буксиры.

Однако никогда не покидает человека тяга к прекрасному – приглядевшись, можно рассмотреть разноцветные огоньки на каждом причале или судне, и это не только требование строгих корабельных уставов, просто что-то должно согревать душу, особенно в дальнем походе. Иное дело – набережная и следующая за ней центральная улица портового города: они соперничают друг с другом, зажигая целые волны разноцветных огней, которые взмывают на макушки пришвартованных яхт или шпилей зданий, да так и остаются там до утра. Это ночное волшебство манит к себе отдыхающих, которые вдруг ощущают в себе давно дремавшие тени придворных дам и гусар. Они торопятся облачиться в вечерние платья или расшитые венгерки, украсить себя драгоценностями или золочеными эполетами и аксельбантами. Их праздник не могут огорчить даже недовольные взгляды местных жителей, спешащих после нелегкого трудового дня к домашним делам и короткому ночному сну, который ещё долго не даст желанного отдыха усталому телу из-за веселых голосов и громкой музыки, развлекающих приезжих.

Во мне одновременно были оба эти чувства: ревность местного жителя, правда, давно покинувшего родные края, и восторг приезжего, готового впитать всё без остатка за короткую командировку. А еще меня волновало предчувствие встречи со старыми друзьями, не увидеться с которыми я не мог. Шумное кафе или ресторан для душевной беседы не

подходили, поэтому решили встретиться в сауне. Для этого как нельзя лучше подходил огромный плавучий кран, изготовленный в Швеции несколько лет назад. Несмотря на свой рабочий характер, судно имело комфортабельные каюты для экипажа и превосходную сауну, оборудованную всем необходимым для отдыха и удовольствий. Будет лишним говорить о том, что попасть туда можно было только с позволения капитана, который был одним из нашей компании.

Южное и морское гостеприимство всегда соперничали в этом сильном и суровом на первый взгляд человеке, но он по-отечески любил свою команду, и она платила ему тем же. Созваниваясь о встрече, он солидно добавил, что нас примут лучше, чем в любой гостинице города, и это было приятно, хотя и не столь важно для того, чтобы увидаться и поговорить. Как-то так всегда было, что Костя-Кэп был самым солидным и надежным в нашей компании. Даже в то далекое время, когда мы были первоклашками, он был последней инстанцией в спорах, чем пользовались и наши родители, и учителя, часто делегируя ему свои полномочия, оставляя нас одних. Нельзя сказать, что он использовал это в своих корыстных целях, но быть первым он любил, да и всегда был им. Костя раньше всех стал ходить с отцом на рыбацкой шхуне в море и всегда выделялся своей морской походкой в школьных коридорах. И он сам, и все мы знали, что он будет морским волком, поэтому прозвище Кэп было его основным именем, даже среди домашних. Только учителя нару-

шали эту традицию, вызывая его на уроке для ответа к доске каким-то торжественным голосом, и не иначе как Константин.

– А вот и московская штучка. Привет, Ластва! Я по очереди обнимался с друзьями детства. С теми, кого знал почти полвека. Мы вместе учились плавать, делали уроки, выручали друг друга в беде, играли свадьбы и хоронили родителей. Они еще помнил мое прозвище, полученное однажды на море, когда я с выпученными глазами выскочил на берег в одной ласте, уверовав, что за мной гнался огромный скат. Было ли это на самом деле или только моей фантазией, теперь никто не вспомнит, но тот испуганный вид и крики «ластва, ластва» оставили это прозвище навсегда. В то время все мы жили небогато, и потеря дорогого подарка отца после окончания очередного класса школы была просто трагедией. Тогда долго вся наша компания ныряла, обследуя каждый пятак дна в округе нескольких сот метров, но со страха я не мог хотя бы приблизительно указать злосчастное место, и ластва была безвозвратно потеряна, правда, переродилась в другом обличье – напроць приклеившись ко мне в виде прозвища.

– Кого ещё ждём?

– Серый, как всегда, опаздывает.

Это было чистой правдой. Никакие уговоры, обещания или угрозы не могли изменить ситуации. Когда в детстве все собирались во дворе дома, перед тем как идти на море или в школу, мы выкрикивали имена тех, кто еще не вышел из

своей квартиры, то последним всегда был Серый. Мы даже пробовали только ему назначать время встречи пораньше, но он упорно приходил последним. Серый был уникальным человеком, притягивающим к себе все мыслимые и немыслимые приключения, он всегда попадал в какие-то истории, вечно за ним гнались или он догонял кого-то. Он был серым волком по жизни, которого ноги то спасают, то – кормят. Однако я не знаю более жизнерадостного и остроумного человека: с его появлением любая компания оживлялась и начинала бурлить. Это был кладезь анекдотов, песен и морских историй. Он вечно опаздывал, но женился первым из нас.

О, это была романтическая история, в которой всем моим друзьям довелось поучаствовать. После восьмого класса Серый окончил мореходку и стал рыбачить на сейнерах. Он и раньше-то был неуправляемым вулканом, а, начав зарабатывать неплохие деньги, вовсе от рук отбился. Матушка решила тогда его женить, чтобы как-то утихомирить и уберечь от неминуемой беды. В короткие периоды между рейсами Серого таскали на смотрины ко всем известным свахам и девицам на выданье. Несмотря на неуравновешенный характер, Серый жутко боялся послушаться свою матушку и покорно следовал за ней на все подобные мероприятия. При этом он мог потеряться по дороге, влипнув в какую-нибудь историю, но успевал выкрутиться и явиться по назначению в приемлемые сроки. Каждый раз при встрече он рассказывал нам о своих смотринах, мастерски изображая в лицах всех участ-

ников. В нем умер великий актер, по крайней мере, нам так всегда казалось, но только море манило его, и ни о каких институтах он и слушать не хотел. Полтора года обучения в мореходке были для него последним подвигом на поприще науки, да и то благодаря постоянному вмешательству его ма-тушки и авторитету отца – уважаемого всем парходством старпома.

Надо сказать, что похождения любого курсанта мореходки то и дело становились достоянием общественности, но золотые страницы, вписанные в летопись этого славного учебного заведения города лично Серым, еще долго передавались из уст в уста, обрастая самыми невероятными подробностями. Администрация скрепя сердцем смиралась с этим, зная, что только таким под силу нелегкий труд моряка, уходящего в рейс на год, а то и на два. Выросшие в семьях моряков, где отцы появлялись дома на пару недель и надолго исчезали, они воспитывались улицей и не мыслили иной жизни, но удивительно были привязаны к своим родителям и всегда свято чтили их память.

Помню, как мать Серого, тетя Эмма, тоже часто уезжала встречать мужа то в Одессу, то в Мурманск, то во Владивосток, но за ним присматривал весь наш дом, и пацан был накормлен и отправлен в школу. Многие семьи жили примерно так же, без размеренного четкого расписания и традиций, но зато какие праздники случались, когда кто-то из отцов появлялся дома из отцов. Это сейчас мы не знаем своих сосе-

дей, живя в больших домах спальных районов, а тогда дом из двух-трех десятков квартир был одной семьей, где днем не закрывались двери, а телевизор ходили смотреть всем двояром, размещаясь не только в квартире, но и на всех ступеньках лестничного пролета, ибо телевизор специально ставили так, чтобы его было видно из подъезда.

Появившись однажды дома после рейса, Серый встретил свою двоюродную сестру Наташу и влюбился. Через два дня он уговорил её сбежать вместе. Куда глаза глядят. Отличница, комсомолка и красавица была домашней маминой дочкой, но пылкое сердце Серого перевернуло её жизнь. Восстав против всей родни и обстоятельств, они сбежали и неделю прятались у знакомых. Каждый из нашей команды помогал, как мог – кто деньгами, кто квартирой, а я, как доверенное лицо тёти Эммы, вел переговоры. Это была нелегкая работа с валокордином, раскаяниями и угрозами, но в один прекрасный майский день мы все вместе явились в Серегин дом и упали на колени, обещая быть вместе до конца. Восемь парней в черных костюмах с цветами в петлицах сопровождали влюбленных. Мы потом часто вспоминали этот день с обмороками, слезами и объятьями. А какая свадьба была.... Впрочем, не все сложилось, как пишут в романах: первый ребенок Наташка-маленькая была умницей и красавицей, как мама, а вот с сыном не повезло – он родился с неизлечимой болезнью. Они не бросили его и не отдали в приют, как их об этом ни просили, несли свой крест пятнадцать лет, пока

Сергеа-младший не умер. Однако более сплоченной семьи я не знаю. Сразу после свадьбы Серый расстался с морем и стал удивительным семьянином, остепенившись, насколько это было возможно. Они с Наташкой-старшей до сих пор появляются везде только вместе. Наташка-младшая давно вышла замуж, и они уже нянчат внуков.

– Мужики, чья лапа там, на углу валяется? Опять кто-то потерял.

Мы обнялись с этим загорелым, еще стройным, полным какой-то удивительной жизненной силы человеком. От его похлопываний у меня гудела спина, и почему-то наворачивались слезы.

– Здравствуй, Наташенька. Как ты? – она давно стала своей в нашей компании. – Ещё держишь этого оболтуса в узде?

– Ну, конечно. Полюбуйтесь на его правый глаз.

Оживление стихло, и все начали всматриваться в лицо Серого, который сначала отмахивался, но потом гордо продемонстрировал обществу свеженький синяк.

– Я им говорю – в очередь, сукины дети, а они: нам только пиво...

– Ну, если бы не Наташка, они бы тебе навалили...

– Да кто ж меня, непутевого, выручит. Он обнял располневшую, но еще очень привлекательную жену и поцеловал в макушку. Как уживались эти абсолютно непохожие люди, для многих оставалось загадкой. Поговаривали, что они дополняли друг друга, но я думаю, что это просто настоящая

любовь, которая превыше всего на земле. Создатель награ-
дил их этим счастьем по одному ему известным причинам,
а мы всегда были вокруг этого чуда. Некоторые из нас жени-
лись уже в третий раз, но только Серый с Наташкой отпразд-
новали серебряную свадьбу.

– Боцман заставит драить палубу за опоздание.

– Нет, у нас есть оружие, которое его обезоружит.

И действительно, Наташка не только наравне со всеми
участвовала в наших мальчишниках, но была главным чле-
ном команды, вокруг которого все и происходило. Только ей
позволялось разбавлять мужское общество, и она всегда бы-
ла настолько тактичным и незаметным человеком, что толь-
ко её незримое присутствие удерживало нас от серьезных
попоек или иных неприятностей, так свойственных старым
мужским компаниям.

Белоснежный катер с плавучего крана «Труженик» бес-
шумно рассекал отражение огней набережной, длинными
нервными цепочками протянувшихся по всей бухте. Все
притихли, боясь потревожить эту красоту, хотя родились и
выросли здесь, да и вся жизнь каждого, за моим исключени-
ем, была связана с портом, но сегодняшний вечер был уди-
вительно хорош. Это как давно любимая женщина, ставшая
родной за долгие годы совместной жизни, вдруг поворачи-
вается к тебе с таким удивительным взглядом, что ты внезапно
ощущаешь прилив нежных чувств, кои, казалось бы, давно
утрачены, и понимаешь, что жизнь еще не кончилась, что-

то припасла она и для тебя. Какой-то секрет таят непостижимые женские сердца, способные так долго дарить счастье.

– Я даже не представляю себе, какое оправдание вы придумаете на этот раз, чтобы я позволил вам подняться на борт. – Раздался сверху суровый голос капитана. – К Наталье это не относится.

– А мы это, дядь капитан... Мы Серому глаз набили...

– Зачем?

– Да чтоб чего не вышло.

– Авансом, что ли?

– Так точно, сэр!

– А, ну-ка, малый, посвети вниз.

Луч прожектора скользит по палубе, и мы выставляем вперед Серого, который опять гордо вскидывает голову.

– Иди сюда, бродяга, я добавлю. Все должно быть симметрично. – Кэп был суров, но снисходителен. – Спустить трап.

Серый подхватывает Наташку на руки, и ловко поднимается на мерно покачивающийся борт. Следом поднимаемся и мы, неся увесистые сумки с припасами.

– Костя, хоть Вы поговорите с этим младенцем, совсем от рук отбился.

– Ну, если он кого и должен слушать, то это – только Вас, Наташа.

Они давно называют друг друга на вы, и мы поддерживаем их уважительное отношение, часто подшучивая над их игрой, хотя они к этому относятся очень серьёзно.

– Смирно, салага! – Кэп подносит увесистый кулак к лицу Серого. – Марш на камбуз, и смотри у меня...

Белый китель с золотыми пуговицами, фуражка с крабом и неизменная трубка с ароматным табаком, напоминающим вишню, делают мощную фигуру Кости еще солиднее, а грубоватый, с хрипотцой голос внушает уважение.

– Простите, сэр, а кильку резать вдоль или поперек?

– Красиво. И смотри, чтобы я ни одной косточки не нашел, а то твои пересчитаю.

– Я присмотрю за ним, Константин, не волнуйтесь.

Они удаляются на корму, и мы молча провожаем их взглядами. У меня почему-то мелькает странная мысль: а если с одним из них что-нибудь случится, что будет со вторым, что будет с нами...

– Неужели ласту отыскали? – это уже относится ко мне. – Сколько лет пытались, а тут на тебе.

– Волной прибило...

Пытаюсь отшучиваться я и тону в объятьях огромных рушищ, прижимающих меня к пахнущему солью и вишней кителю. В памяти всплывает давняя история, когда мы почему-то разодрались с ребятами с другой улицы. В пору нашей юности это случалось не по злобе или за что-то, а по какой-то звериной традиции. Портовый город населяли многие национальности, и селились они всегда очень компактно и обособленно. Не то чтобы враждовали меж собой, но чужих не жаловали на своей территории. Наверное, это была еще

царская политика — перемешивать национальности на новых территориях, чтобы никто не брал главенство. Русских всегда было большинство, но они этим не пользовались, поддерживая равновесие. Но случилось всякое. И вот когда мы схлестнулись с ребятами с армянской улицы, каждый себе выбрал противника по габаритам, мне же достался мой одноклассник, с которым я еще и дружил. Бить друг друга мы не могли и в нерешительности стояли, не зная, что делать. Когда же наши стали брать верх над армянами, те крикнули моему противнику что-то на своем языке, и он неожиданно залепил мне такую оплеуху, что я свалился на землю. Было не столько больно, сколько обидно за такое вероломство. Я так растерялся, что почти не сопротивлялся ударам оседлавшего меня агрессора. Потом все неожиданно прекратилось, и чьи-то сильные руки подняли меня. Я не мог сдержать слезы и спрятался от всего ненавистного мира, уткнувшись в широкую грудь.

— Свои...

Только и произнес тогда Кэп, но для меня это был какой-то водораздел. Рубикон. С той минуты весь мир для меня разделился на своих и всех остальных. Я знал, что каждый из них станет рядом со мной в любых испытаниях, и я поступлю так же.

Удивительно, как четко хранит наша память события давно минувших дней и в какой-то момент вдруг, в один миг, выплескивает их во всех красках. Так и в этот раз: за секун-

ду промелькнул еще один эпизод, навсегда поселившийся в моей памяти.

Отец Кэпа был крупный мужчина и крутого нрава. Он руководил бригадой рыбаков, но мог и один вывести сейнер в море. Зарабатывали они иногда очень прилично, но и спускали эти деньги как-то бестолково. У матери Кости была слабость к красивой мебели. Купить её в те далекие времена было просто невыносимо, но ей это удавалось. Причем – периодически. Когда это случалось, весь двор участвовал в процессе разгрузки и установки новеньких шкафов, столов и тумбочек. Отец Кости ворчал и хмурился до определенного момента. Когда же такой момент наступал, он хватал топор и рубил ненавистную ему обновку. В десять минут новенькая блестящая полированная мебель превращалась в щепу. Иногда доставалось и хозяйке.

Как-то Кэп встал между разъяренным отцом и матерью. Ему было лет семь-восемь, но по лицу было件нятно, что он не отступит. Отец что-то заорал, отчего присутствующие только присели, а Кэп зажмурился, но не отступил. Тогда откуда-то выскочил Карась – один из нашей компании – он встал рядом с Костей и как-то по-детски взял его за руку. Они были вместе. Тут же подбежали остальные из нашей компании. Испуганной стайкой мы сгруппировались вокруг Кэпа. Всем было страшно, но никто не отступил. Наверное, не только мне запомнился этот миг. Отец Кэпа сел тогда на землю и отер пот со лба. Посмотрел виновато и тихо произнес:

«Простите, сынки». Потом он еще не раз крушил новую мебель. Но никогда ни на кого не поднимал руку.

— Ладно, пошли попаримся, — снизошёл капитан. — Давно жду.

Мы были прощены за опоздание. Все загалдели, начали толкаться и забегать вперед. Я тоже с удовольствием включился в эту игру, почувствовав себя одним из той далекой команды, когда нам было по десять лет. А сауна была действительно хороша — умеют шведы. Правда, с тех пор мы остались прежними только в памяти — округлые бока и упругие животы отнюдь не украшали бывшие мускулистые торсы, да и волос поубавилось. Один Карась продолжал носить пышную рыжую шевелюру и окладистую бороду. Он с детства был заядлым рыбаком, но более всего ему удавалось ловить карасей. Я помню его огромную черную сумку, с которой он ходил на рыбалку. Просоленная, вся в чешуе, жесткая, как будто из жести, она всегда была полна карасей — отборных, жирных. Его мать — толстая еврейка с одесским говорком — так замечательно умела их готовить, что отойти от огромной сковороды с рыбой было невозможно, пока там еще что-то оставалось. Какой секрет они оба знали, для меня остается загадкой: побывав во многих рыбных ресторанах разных стран, я никогда ничего подобного не пробовал. Да, вкус детства ни с чем нельзя сравнить!

— Кэп, а белоснежные скатерти только невестам?

— Можешь и себе взять, жених. Панамку не забудь.

Мы нахлобучили войлочные шапочки, и пошли париться. Запах горячего дерева и раскаленный воздух почему-то всегда напоминают водную станцию, где мы летом часто купались. Настил из просоленных досок на мостиках и вышке всегда прогревался солнцем. Обычно мы купались долго, до посинения в полном смысле этого слова, потом выскакивали из воды и ложились на разогретые доски, чтобы согреться. Было так приятно ощущать их тепло, постепенно отогревающее озябшее тело, что хотелось расплющиться и прижаться плотнее.

— Братцы, а помните, как мы купались на трубе? Все загалдели и засуетились, показывая, как когда-то обхватывали огромную трубу. Дело в том, что мы выбирали места для купания в зависимости от времени года. Открывали купальный сезон восьмого марта, как гусары, посвящая первое омоложение дамам сердца. Вода к тому времени не успевала прогреться выше десяти градусов, поэтому купались около бывшего рыбацкого причала: там, на берегу, были небольшие ямки, где мы прятались от ветра и отогревались на солнышке. В мае перебирались купаться на мост. Когда-то это была окраина города, где размещался бетонный завод. Цемент — местный. Песок закачивали вместе с водой по трубе прямо с баржи на берег. Позже завод перенесли, а мост с огромной трубой во всю длину, еще долго оставался одиноким напоминанием прошлого. Местные жители с него ловили рыбу и купались. Майское солнце за день так раскаляло трубу, что,

выскочив из воды, мы ложились на нее, как на печку. Более метра в диаметре, она как нельзя лучше подходила юным купальщикам, чтобы, распластавшись на ней, обнять её руками и ногами и согреться. В июне металл уже обжигал, и мы перебирались на водную станцию. Середину лета мы проводили на старом маяке. Он стоял на отмели, дугой выдававшейся далеко в море, там всегда был прохладный ветерок и чистая вода. В конце лета мы любили купаться у прожектора – это была дневная башня на холме. Наверное, начинали её строить еще римляне, а потом – турки, да и в наше время там был пограничный пост, команда которого на всю ночь включала мощный прожектор и шарил его лучом по кораблям на рейде и береговой линии. Каждый час наряд с овчаркой выходил осматривать берег, двигаясь по известному маршруту, что позволяло нам купаться по ночам. Это сейчас можно приехать на машине к воде и заночевать, а было время, когда пограничники всех прогоняли с моря после девяти вечера. Граница.

– А помните, как Ванчик застрял?

Похоже, мысли наши блуждали в одном времени.

Этот случилось в августе, когда мы купались около прожектора. Вода прогревалась настолько, что можно было пару часов не выходить на берег. А там было, за чем понырять. Метрах в ста от берега дно было изрыто ямами и гротами с густой травой. Удачливому пловцу они сулили очень интересные находки. Очевидно, удобная бухта во все времена

привлекала внимание моряков и разбойников – их встречи оставляли следы в виде обломков кораблей, оружия и всякой утвари. Самым ловким среди нас был Ванчик – светловолосый улыбчивый парень с редким именем Иванов Иван Иванович. В тот день, ныряя около прожектора, он пытался вытащить, как мы потом узнали, клинок из-под останков затонувшего корабля. Ему придавило руку, и он не мог самостоятельно выбраться метров с десяти. Наверное, провидение хранит смелых и отчаянных, иначе бы он там надолго остался – пока кто-то смог отыскать щупленькое тельце далеко от берега, на глубине, среди травы, но у него была иная судьба. Серый вовремя заметил его и вытащил. А погиб Ванчик десять лет назад, когда спасал пассажиров с затонувшего «Нахимова». В ту ночь он дежурил в порту на буксире. Когда объявили аврал, их команда первой была на месте катастрофы минут через двадцать. Но домой он не вернулся. Судьба.

– Помните, как мы его тогда в чувство приводили?

– Даже не заметили, как ребро ему сломали.

– Как его Серый нашёл?

– А как дотащил до берега...

– Сколько из него воды вытекло...

Мы лежали на горячих деревянных полках парилки и разговаривали, не глядя друг на друга. Казалось, не было десятков лет, прошедших с того памятного дня, когда жарким летним днем, переломив через колено безжизненное тело Ванчика, мы вытряхивали из него воду, стараясь оставить там

едва теплящуюся душу. Наверное, наше единство не отпустило его тогда в иной мир, и он закашлялся, лихорадочно вдыхая и отплеывая воду. И только много лет спустя, таким же августовским днем, вернее ночью, он опять наглотался воды, но рядом никого из нас не оказалось, чтобы помочь. А ведь был удивительно ловким и смелым человеком: он единственный среди нас мог прыгать в воду с макушки портового крана, крутил сальто с места во все стороны, а на мотоцикле был просто виртуозом. Мне кажется, что там, у «Нахимова» он отдал свою жизнь взамен чьей-то. Возможно, это был ребенок. Правда, своих оставил. Троих.

– Что-то вы мне душу растеребили.

Первым поднялся и вышел Кэп, за ним – все остальные. Мы закутались в мягкие простыни и расселись вокруг стола. Чувствовалась Наташкина заботливая рука: он был так изысканно накрыт, что самый стойкий вегетарианец и сторонник здорового образа жизни немедленно сдался бы в плен.

– За встречу, – коротко и четко скомандовал Кэп. Хрустальные стаканчики понимающе цокнули друг о друга, не отвлекая нас от главного. Холодная водка обожгла, но была кстати.

– А теперь – за тех, кто в море, кто еще вернется, и кто останется там навсегда.

Мы приняли эту традицию от своих родителей и всегда соблюдали её. Будут ли наши дети хранить её – кто знает.

– Господа офицеры...

Серый появился с огромным подносом красных, дымящихся и безумно вкусно пахнувших раков. О, это было их фирменное блюдо! Не удивляйтесь, если на юге вам будут часто попадаться люди с огромными животами – это не случайность и не болезнь. Это дань тому пиршеству, которое окружает вас в этих благодатных краях. Вы не сможете пройти мимо, сослаться на диету или лишний вес – вы попадете в плен этому празднику жизни и уже никогда не сможете вырваться. Впрочем, вы и не будете предпринимать попыток для этого.

Отборные, сваренные с травами и специями, а главное – с любовью, пунцовые раки были уложены огромной горой на серебряном подносе и так гипнотизировали собравшихся, что их появление приветствовали стоя. Молниеносно состоялась вторая перемена блюд, и все вожаденно застыли над своими тарелками, наполненными аппетитными раками, сжимая рукой бокал с холодным пивом. А сварено оно было на удивительно вкусной воде – небержайской. За перевалом есть такое озеро, вода там действительно голубая и очень вкусная. Сто лет её возили на местный пивзавод и варили потрясающее пиво. Правда, в перестройку нашлась горячая голова, предложившая расширить родники, питавшие озеро. Заложили заряды и взорвали, но воды не прибавилось, а наоборот. Озеро обмелело, привозить воду стало невыгодно, начали варить на обычной, и вкус пропал. Лишь изредка находится энтузиаст, который сам привозит несколько машин

небержайской воды, и тогда готовят именно то, настоящее пиво, рецепт которого известен сотню лет.

– Ну, Кэп, ну, уважил. Это же настоящее небержайское.

– А ведь молчали, как партизаны, мы баночного притащили.

– Давно таких раков не видел. Серый, тебе прощаются все грехи.

– Нет, это – Наташка.

Её счастливые чёрные глаза сияли неподдельной радостью. Удивительно незаметно она вошла в нашу компанию, и было видно, что она дорожит этим. Станным образом иногда переплетаются человеческие судьбы, соединяя, казалось бы, абсолютно несоединимое.

– Вот я в детстве слушал сказку «Гуси-лебеди» и не мог поверить, что может быть такая сестра, чтобы выручила всех своих братьев. У меня со своими ничего подобного не было, но вот появилась Наташка – и я стал верить в сказки. Они не врут. За Наталью!

– Не подлизывайся, всем – поровну раков. Проверим.

– Нет, ну почему же. Особые поклонники моют посуду.

– Утихомирьтесь, балаболы, – остановил прения Кеп. – Пиво действительно небержайское. Это Наталья предложила, так что тост правильный.

Давно уехав из родного города, я утратил способность лихо выпивать пол-литровую кружку пива. Жадно, в несколько огромных глотков, не отрываясь. В этом была какая-то

гусарская удаль. Помню, еще в детстве, с удивлением смотрел на этот жест. Тон задавали мастера, подходившие к бочке с пивом и опрокидывавшие пол-литровый бокал в три секунды, потом брали в руку три-четыре кружки с пивом и отходили в сторонку поговорить с приятелями. Сейчас и мои друзья овладели этим искусством. Они залпом опрокинули по огромной кружке и принялись за раков.

– А помните, как Свист раков глушил? Все, как по команде, откинулись на спинки кресел, жестикулируя руками, поскольку рты были заняты другим, более важным делом.

А история была действительно забавной. Олега прозвали Свистом не за пристрастие к этому творчеству, коим в наше время все владели в совершенстве, а за постоянные проделки с порохом. Бои за наш город в Отечественную войну были очень жестокие и оставили столько оружия и боеприпасов, что их до сих пор находят, а в наше время и искать не нужно было. За городом метрах в ста от берега на дне лежала, а может и сейчас еще там, разорванная пополам канонерская лодка – это большая баржа почти без вооружения для перевозки боеприпасов. Наверное, в неё угодила бомба или снаряд, от чего её разорвало на куски. При взрыве не все боеприпасы детонировали. В самой лодке и в радиусе двухсот метров дно было усеяно этим добром. Мы там частенько ныряли в поисках чего-нибудь интересного.

Одной из тех забав был артиллерийский порох, его упаковки в виде полуметровых цилиндров чем-то напоминали

полено. Внутри он состоял из длинных трубок пороха, напоминающих макароны с отверстием во всю длину. В своих разговорах мы часто использовали кулинарную терминологию, чтобы родители не догадывались о чем речь. Правда, когда мы являлись домой поздно с обожженными бровями и ресницами, запахом дыма и опаленной одеждой, родители не проводили дознаний – всыпали по первое число. Летом, когда окна всего дома были открыты, и весь двор знал, что готовится на каждой кухне и какой разговор с наследником ведут родители, мы собирались на вопли одного из нас, воспитываемого подручными средствами, и орали в его поддержку, что все было не так и мы вместе учили уроки.

Олег был лучшим в команде по части артиллерийского пороха, который мы называли «свистун» – он умел так поджигать его, что эта длинная «макаронина» начинала свистеть. Порох быстро сгорал, и образовавшийся газ со свистом вылетал из отверстия. Если же трубку поджечь с обоих концов, то образовавшееся внутри давление разрывало её на мелкие осколки. Набравшись опыта, можно было по высоте тона понять, когда будет взрыв, и за секунду подкинуть горящую трубку пороха вверх – она взрывалась у кого-нибудь над головой или – в открытом окне. Это сейчас мы с ужасом думаем, как бессмысленно рисковали своими и чужими жизнями, а в то время это была забава. К праздникам наши родители не покупали в магазинах петарды и ракеты – об этом мы заботились самостоятельно, а мечтали о чем-нибудь

съестном. Прозвище Свист было даровано Олегу за мастерство, которое позволяло ему на спор достигать любой длины и ноты свиста горящего пороха и силы взрыва.

Мы и в детстве часто ловили раков, правда, приходилось отпрашиваться у родителей на ночь, чтобы дойти до озер около Лазоревской – там били сильные ключи, образующие несколько маленьких озер. Вода была чистой, и раки водились отменные. Можно было искать их норы по отвесным берегам и вытаскивать их руками, но мы предпочитали раскидывать на ночь ловушки с приманкой. Ловушки представляли собой корзинки с узким горлышком из обрывков старой сети, а приманкой служили жаренные на костре лягушки. За ночь в десяток таких ловушек заползало более сотни раков. Часть из них мы варили утром на озере, и устраивали себе пирушку, остальные приносили домой. Это и было аргументом в разговоре с родителями перед ночной охотой.

Однажды Свист решил обойти нас всех по количеству пойманных раков и тайне принес на озеро целую упаковку «свистуна». Когда мы разошлись по своим излюбленным местам ставить ловушки, он залег на бугорке и стал забрасывать горящий «свистун» над озером. Наивная идея глушить раков, как мы глушили рыбу самодельными минами, ни к чему не привела, но канонада получилась знатной. В ночной тишине на водной глади со свистом и огненным следом проносились брошенные умелой рукой мастера невидимые макароны «свистуна» и с грохотом взрывались у са-

мой воды. Те, кто помнил свист и разрывы снарядов, падали в ямки, закрыв руками головы. Через несколько минут, бегая вдоль берега с фонариком, Свист понял, что ошибся насчет раков: они не всплывали десятками на поверхность. Однако не только раков не было – не было и охотников за ними, которые, подобно нам, пришли на берег со своими ловушками. Народ по привычке попрятался. Свисту хватило нескольких минут затишья после устроенной им канонады, чтобы очистить все попавшиеся ловушки. Вообще-то это было воровством, за что могло попасть всем нам, но он назвал это «боевым трофеем» и гордо удалился с огромным рюкзаком раков. То ли хозяева обчищенных им ловушек посчитали, что раки испугались обстрела, и тоже попрятались в норы на всю ночь, то ли они были счастливы, что выжили в странном артобстреле на озеро в мирное время, то ли им просто было не до нас – так или иначе, нас никто не трогал, а улов у Свиста был огромный. Он задобрил нас, поделив добычу поровну, и обещал впредь согласовывать план боевых действий.

- Надеюсь, сегодня мы не идем за раками.
- Кстати, Свист притащил увесистую сумку.
- Надо бы проверить.
- И отнимите у него зажигалку.
- А в сауну пусть идет голым, кто его знает, куда он «свистун» прячет.

Мы до сих пор любили подшучивать друг над другом, хотя непосвященному многое было бы непонятным, глядя на

степенных, солидных мужчин, которые были счастливы окунуться в свои воспоминания, бережно хранимые в сердце каждого.

– Да ладно, вы. Пусть Кот расскажет про свои лыжи.

– Ничего интересного, кстати, – буркнул он.

– Ты Расскажи, Расскажи, – подхватил народ. – Ластва ведь не знает.

Котом мы звали между собой «самоделкина», который получил прозвище благодаря своей фамилии, но прославился тем, что мог починить все, что угодно. Этот талант у него прорезался рано, и весь наш двор пользовался этим. Потом он стал ходить на танкерах старшим механиком, и многие капитаны, набирая команду в очередной рейс, боролись за его участие в личном составе. Был случай, когда контрабандисты пригрозили жизнью его близких, если он не спрячет партию товара на судне. Только много лет спустя, он рассказал об этом нам. Решив никого не посвящать в свои планы, он в одиночку заложил нелегальный груз в техническое помещение, закрыв люк необычным способом. Раздобыв где-то резервуар с жидким азотом, он остудил в нем специально выточенные для этого винты и аккуратно закрутил их холодными. При обычной температуре они расширились настолько, что никакая сила их не могла сдвинуть на миллиметр. На любом судне бывают «стукачи», и при досмотрах пограничники или таможенники часто знают, где искать. В тот раз тоже была явная наводка, но как ни пытались открыть люк,

не смогли, а резать автогенном было нельзя, так как переборка была несущей. Когда судно пришло в порт назначения, Кот проделал обратную операцию. Контрабандисты сдержали слово, и больше его никто не трогал. По возвращении в родной порт судно было осмотрено целой комиссией с представителями завода-изготовителя, но люк так и не открыли. Говорят, он до сих пор носит следы попыток взлома и целую вереницу морских баек об этом.

– Ну, эти бандиты подарили мне на день рождения лыжи... – начал Кот.

– На юбилей.

– А лыжи фирменные.

– Дорогущие...

– На таких только рекорды ставить... Кот был удивительным механиком и умельцем на все руки, но спортсмен был просто никакой. Комплекции он и в детстве был неслабой, отчего всегда стоял на воротах. Часто за полное отсутствие координации ему предлагали просто лечь вдоль ворот. В иных случаях он часто использовался в роли противовеса, балласта или тягловой силы. И надо же было такому увальню полюбить водные лыжи. Не воднолыжницу, а именно – сам вид спорта. Он собирал фотографии, вырезки из газет и журналов, позже – фильмы о соревнованиях и показательных выступлениях воднолыжников. Все мы об этом знали и вечно подшучивали над Котом. Как-то даже подарили ему видеоролик с собакой, катающейся на лыжах. Он просто за-

болел этим и сказал, что непременно научится кататься.

– Причём лыжи покупали на заказ – самые широкие, чтобы они его выдержали.

– Да ладно вам. Только бы языки чесать. Попросите что-нибудь теперь...

– Нет, ты не обижайся на правду. Ты расскажи, как все было.

– Ну, обмыли мы их вечером.

– Это был «гусь с выносом» – мужчины впятером внесли на руках это чудо.

– Под охраной...

– Я видел, он их под столом надел и весь банкет не вставал.

– Ну, это понятно: вещь-то ценная.

– Еще скажите, что домой в них пошел.

– Нет, снега тогда не было, а вода была далеко.

– Он их домой не понес. Никому не доверяет.

– Да, он их в каюте на болты посадил.

– На стенку?

– Нет, над кроватью в каюте.

– Тогда придется танкер на борт валить.

– Это зачем?

– Ну, чтобы иногда в них постоять вертикально.

– Хватит вам, балаболы, дайте Коту рассказать.

– Да что говорить-то. На следующее утро на палубу вышел...

– Сознания уж нет...

– Серый!

– Молчу.

– Короче, зацепило меня тросом.

– Зацепило... Голень ему перебило в трех местах!

– Ну, попал в больницу, а там костоломы...

– Кто о чем. Светка от него ни на миг не отходит, а он после операции давай хирурга костерить...

– Да кто ж так делает. Смотрю, а стопа внутрь косит. Сильно.

– Кот первым делом прикинул, что если лыжи будут крестиком сидеть, он кататься не сможет. Обидно.

– Никто ничего понять не может: Кот от наркоза еще не отошел, а все про лыжи лопочет.

– Кэп оказался самым понятливым – разъяснил, в чём беда.

– Хирург наш портовый извинялся, что, мол, так только можно его ногу собрать.

– Представляешь, голубая мечта детства висит над койкой, а кататься теперь нельзя.

– Ну и чем дело кончилось?

– Он взятку предложил.

– Кот?

– Он главврачу пообещал до конца дней своих ремонтировать всю технику в больнице, и тот привез московского светилу для операции.

– Сделали лучше, чем было.

- Ну, поэтому он и кататься научился.
- Ноги-то теперь другие.
- Балаболы...
- Нет, это надо было видеть. Мы спускали Кота на воду под оркестр.
- И флажками фарватер обозначили, чтобы ненароком кого не зацепил.
- Ты же знаешь, теперь флот хлипкий пошел.
- Долго обсуждали, сколько буксиров брать: вдруг один не вытянет.
- Запрягли тройку!
- А какой был бурун...
- У пирса «Дружба» стояла, её так волной рвануло, что кнехты погнулись.
- Но как летел Кот...
- Пограницы тревогу сыграли, думали: натовский десант в порту.
- Так что, – давась от смеха спрашиваю я, – свершилось чудо, Кот?
- Ну, пошли мы на водную станцию, начинает Кот, но его тут же перебивают.
- На – водочную...
- А там катерок дали. Детский какой-то.
- Он тарахтит, а Кота из воды вытянуть не может.
- Кот покопался в моторе полчаса, и теперь этот катерок...

– Как птица...

– А без Кота за кормой он просто взлетает.

– Теперь Кот почетный гость водной станции.

– И старший механик сборной города.

– Так он и в показательных теперь будет выступать?

– В качестве волнолома...

Несмотря на все насмешки, Кот выглядел абсолютно счастливым человеком. Наверное, нужно очень долго вынашивать какую-то бредовую мечту, чтобы однажды она свершилась, доказав, что невозможного нет.

– А ты знаешь, что Ленон стал броненосцем? – закидывают меня новым вопросом.

– Титаником.

– Он экранирует свои мысли от инопланетян. Речь идею о Лёнчике, единственным представителем интеллигенции в нашей команде: мама – преподаватель английского, папа – истории. Они работали в нашей школе, поэтому получили квартиру в портовом доме. Его бойкий язычок часто не давал покоя многим и был причиной для стычек между компаниями. Если бы не круглые очки и тщедушное телосложение, он был бы кумиром девчонок. Кто знает, как сложилась бы его судьба, если бы однажды до нас не докатились песни «Битлз» и открытие, что Лёнчик похож на одного из них. Так или иначе, но он первым стал переводить нам их песни и петь их сам. Как-то очень естественно за ним закрепилось это прозвище, а в нашей компании появилась гитара. Целы-

ми вечерами мы распевали любимые песни, и Ленон навсегда остался с нами. Он огорчил родителей, не пойдя по их стопам. Играл по ресторанам в маленьких оркестрах и приторговывал пластинками, привезенными из-за бугра. Виниловые диски с записями зарубежных звезд были очень популярны и стоили немалых денег. На свою зарплату родители Ленона смогли бы купить одну-две таких пластинки, а он в школьном портфеле частенько носил по несколько штук. Иногда его торговые операции проходили успешно, и он гордо оплачивал наш совместный поход в кафе, бывало и так, что мы собирали последнее, чтобы помочь отдать ему долги. В отличие от наших семей, он был единственным у родителей, и те не могли с ним справиться, но к нашей компании он прикипел душой, и ему многое прощалось. Очень рано у него появился классный проигрыватель и магнитофон. Это позволяло Ленону не только приторговывать записями, но и слушать оригиналы песен, а не десятые копии. А пел он действительно здорово – мы, затаив дыхание, слушали, как он «один в один» копировал своего кумира.

У него была одна особенность – после второй рюмки водки «крышу сносило напрочь». Ленон ничего не помнил и становился агрессивным. Только Кэп мог задавить его в своих железных объятьях, несмотря на тщедушное телосложение нашего барда. Какой дух бунтовал в нем или это была наследственность, мы не вдавались в такие детали, но следили, чтобы Ленон кроме кружки пива с нами ничего себе

больше не позволял. В периоды активизации борьбы с фарцовщиками Ленон ходил матросом на каботажных судах, но потом бросал, и опять брался за своё. Несколько раз он женился, но каждый раз все кончалось тем, что жены просили родителей забрать такого мужа от греха подальше. Мы давно стали для него семьей, и он возвращался к нам, потрепанный и бездомный, зализывать раны. Давно умерли его родители, бывшие жены сторонились, и он знал, что только мы всегда приютим его и обогреем. Он прощал нам колкие насмешки, а мы – все его выходки. Он был нашим братом. Из всех его многочисленных законных и незаконных отпрысков лишь первая дочь поддерживала с Ленином нежные отношения. Много лет эта трогательная любовь согревала его в тяжких испытаниях. Иногда казалось, что он живет только для Анжелочки и только её проблемами. Конечно, во многом Ленон был виноват сам, но всегда было искренне жаль этого неглупого и очень душевного человека. Пробовал он и торговлей заниматься, потому что наизусть помнил все товары и цены ведущих производителей европейской одежды. Это был ходячий справочник многих домов моделей. В любое время суток у него можно было узнать, кто был автором какой-нибудь модели джинсов, и сколько они стоят в Милане, Париже, Одессе или Москве. Но торгашом нужно родиться, а он по сути своей был поэт.

– Тебя произвели в рыцари и подарили доспехи? – обратился я к Ленону.

– Все прозаичнее: мы пели у одного папика на юбилее.
– Гости не знали, что артисту подносить не стоит.
– Я им говорил, что мне нельзя... – начал было оправдываться Лёнчик.

– Ну, да: известная песня – всем нельзя.
– Короче, очнулся – гипс.
– Башню ему проломили. Основательно.
– Говорят, теперь вся дурь выйдет, и буду как все.
– Месяц ничего не мог вспомнить.
– Серый его в Геленджике отыскал.
– Там есть такая прелестная больничка. Для психов.
– Когда я его увидел, не признал сразу – бородища выросла. Он, оказывается, волосатый! Всегда только длинные волосы носил, а тут – лоб бритый перебинтованный и борода. Только по глазам и узнал.

– Как у побитой собаки.
– Поговори еще, назад отвезу.
– Братцы, он меня побрил, вспрыснул одеколоном и оставил мне этот парфюм, ибо запах так еще тот был. А коллеги по палате прознали, и давай просить выпить. Ну, я дал. Сам-то я ни-ни. Хотя тогда лучше бы вместе с ними припал к пузырьку. Все ж с головой лежат. Минут через десять началось: у кого черти под кроватью, на кого потолок падает, кто от монстров защищается. И все ко мне на кровать лезут защиту искать. Что там современные ужастики! Я предлагаю начинающих наркоманов на экскурсию в такую палату при-

вести и на денек там оставить. Так закодирует, что те дадут руку отрубят, а не уколются. Я там спать совсем не мог и только мечтал, чтобы свихнуться окончательно и всего этого не понимать.

– Ладно, не бери в голову. Все прошло.

– Да я и не беру, мне такую пластину поставили, что я теперь таранить могу, – Ленон постучал себя по лбу, и мы притихли.

Кожа на первый взгляд была обычной, но от звука мурашки забегали по спине. Стало так тихо, что слабый всплеск волны за открытым иллюминатором был набатом.

– Это мне чем-то напоминает звук, которым Кот отогнал собак, когда они гнались за нами на винограднике. Помните?

Взрыв хохота расколол напряженную тишину салона. Нервное напряжение и переживание за очередную беду Ленона выплеснулось в какой-то истерический смех.

А история была действительно забавной. По осени мы совершали набеги не только на огороды, но и на виноградники. Говорить о вымытых овощах и фруктах или мытье рук перед едой было просто смешным в то время. Единственным слабым звеном в нашей компании был Кот: его желудок был избалован домашней пищей и не поддавался тренировке в полевых условиях. Мы частенько становились жертвой его организма, отравленного каким-нибудь микробом, мирно гревшимся под солнцем на помидоре. Любой из нас и не заметил бы этого, но только не Кот.

В тот памятный день мы наслаждались изысканными сортами винограда Каберне, как вдруг появились объездчики с собаками. Бежать пришлось быстро и долго. Бег с препятствиями окончательно вывел из равновесия желудок Кота. Когда собаки настигали нас, он неудачно зацепился за натянутые проволоки, поддерживающие виноградную лозу, и с размаху шлепнулся перед самым носом преследователей. При этом раздался звук, напоминающий треск рвущейся материи, а запах всех просто поразил. Собаки остановились и стали отфыркиваться, потом заскулили, поджали хвосты и пошли прочь. Думаю, они после этого ни один Эта история давно обросла всякими немислимыми подробностями, и появлялась на свет, как анекдот с огромной бородой, но сейчас она напомнила нам о тех светлых днях, когда всё у нас еще было впереди и мы могли отдаваться безу-

держному смеху до коликов, до икоты, до хрипоты и кататься по полу, держась за животы. Мы вновь были командой из далекого детства, мы были частью огромной сильной страны. Мы по-прежнему были вместе.

Маляр

Метель с утра намела не только сугробы, но и непреодолимое желание согреться. Водители, уныло тащившиеся в теплых машинах по вечным пробкам московских дорог, были лишены главного. Они забыли, что такое русская зима, что значит с морозца заскочить в питейное заведение и опрокинуть стаканчик. Теперь многое не так: менеджеры заменили мужиков, пиццерии и суши-бары затмили трактиры, а традиционное белое вино господина Смирнова потеснили настойки, ликёры и прочая заморская муть, разливаемая по менzurкам с красивыми этикетками в соседних подвалах местными умельцами. Впрочем, не всё так печально. Ещё осталось немало любителей русского застолья и тех, кто не забыл, как его организовать. Есть, конечно, роскошные рестораны с икрой, стерлядью и медвежатиной, но они доступны очень состоятельным господам, которые приглашают туда иностранцев в надежде стать еще богаче. Для большинства же скользящих по вечно заснеженным улицам прохожих есть небольшие и очень уютные заведения, даже подвальчики, где русским духом ещё пахнет. Грибы, огурцы, капуста – и всё это прямо из бочек – с лучком, чесночком, клюквой, морошкой, голубикой. Картошка жареная, отварная, печеная – с маслом, укропчиком и шкварками. Пирог, пирожки, кулебяки, пельмени и вареники. Суточные щи,

борщи, окрошка, уха, суп из потрошков. А гречневая каша с телятиной и бараниной! Гуси, куры, индейка – с яблоками и на вертеле. Эх, да что там. Не знаю, как вы, а у меня уже рука потянулась к крепкому огурчику. Не к корнишону какому-то, а к нашему огурцу, чтобы хрустнуть им можно было в своё удовольствие.

Ввалившись в такое заведение с клубами морозного воздуха и отряхивая снег с ботинок, мужчина средних лет, быстро оставив пальто в гардеробе и потирая руки не столько от мороза, сколько от предвкушения, навеваемого ароматами кухни, вошел в небольшой зал. Здесь не было омаров и деревянных палочек для риса, впрочем, запаха махорки тоже не было. Долго не раздумывая, он подошел к стойке, за которой стоял здоровенный мужик в поддевке с окладистой бородой.

– Здорово, отец. Мне бы согреться.

– Сейчас сделаем, любезный. Никитка, проводи гостя.

Подбежал юркий улыбающийся молодец в красной косоворотке и черных, начищенных до блеска сапогах.

– Если располагаете временем и не против компании, то у нас как раз один посетитель Вас дожидается.

– Кто таков?

– В уголке у окна сидит. Если не возражаете, то – извольте.

– Отчего же.

Они прошли через небольшой зал, уставленный добротной грубоватой мебелью. Все были заняты своим делом, и на пришедшего никто не обращал внимания. Даже одино-

ко сидящий за столиком темноволосый мужчина, к которому они направились, почти не отреагировал на вопрос о возможном беспокойстве. Он был далеко не богатырского телосложения, но, судя по посуде на столе, сидел здесь давно и с размахом.

– Ну, что, за знакомство?

– Будь.

Глядя прямо в глаза друг другу, они стукнулись стаканами, и белое вино плеснуло на скатерть. Молча закулив и не торопясь с разговором, налили по второй.

– Вот за что я люблю свадьбы зимой, так это за единое желание, охватывающее весь коллектив ещё до торжества. На морозце жених и невеста с гостями сделают пару снимков, положат цветы героям, пройдутся нарядные по центральной площади или аллее, и можешь не сомневаться – охвачены единым порывом. Поднять за молодых не бокал шампанского, а рюмку водки. Пусть молодожены не пьют, сидят и слушают. А все, как один. Вот это – крепко и правильно.

– Глубоко.

Они выпили, и черный хлеб с селедочкой были очень кстати. Тепло разливалось внутри, возвращая к жизни не только замерзшее тело. Стало как-то уютно и хорошо. Окружающие лица казались родными. Внутри рождалось необъяснимое желание поговорить и даже высказаться. Неважно, что раньше это был посторонний человек – сейчас перед тобой был собеседник, готовый терпеливо выслушать и посочув-

ствовать. Это у французов принято самому подливать себе в бокал вино и, не обращая внимания на окружающих, его пить. У нас за столом такое поведение недопустимо. Мы все стараемся делать вместе. Жить и умирать, грустить и радоваться. А кто не с нами в этот час, тот – чужак. Попробовал бы кто-нибудь из нас, придя в гости, расплатиться с хозяином за угощение, как это делают немцы, или не пригласить за стол случайно зашедшего знакомого, как это желают французы, или долго говорить о любви к женщине, но не разрешать ей садиться за один стол, как это делают на Востоке и Кавказе. Впрочем, и для них странны наши традиции.

– Я вот не пойму. Ты вроде как из зоны, но какой-то мутный.

– Это я с непривычки. Неделю как откинулся.

– А что такой невеселый?

– Второй день тут кореша жду. Надо как-то определяться.

– Непохоже, чтобы ты из братвы был. Разве что катала.

– Нет.

– Вот я и в толк не возьму, кто ты. Ну, давай за волю.

Посуда быстро пустела, а доверие к собеседнику становилось прочнее.

– Я пятерку схлопотал. Старушку сшиб. А до этого был журналистом в небольшом городе. Когда в отряде появился, думал – не выдержу. Чужой мир для такого хлюпика, как я. Но буквально на второй день помог одно письмо написать. Слышу, бедолага мается, пытаюсь прошение составить. Я так

написал, что к нему сразу следователь заявился. И тут меня заметили. Я стал малявы кропать для всей братвы. Заявления, прошения, требования и по личным вопросам. Короче, углубил специализацию и стал приносить пользу. Через два года уже был библиотекарем и помогал начальнику отряда заочно учиться. Освоил Уголовный кодекс, был допущен к делам осужденных и помог шестерым с УДО. За примерное поведение и сам на год раньше вышел. Только вот братва послала меня в их юридическую контору. Продолжить дело.

– Ну, зона тебя так просто не отпустит.

– Да и назад в малотиражку мне хода нет.

– Тогда давай выпьем за тебя. Погоняло-то твоё как?

– За малявы меня Маляром прозвали.

– Похож. Тебе привет, от Тарана. Помнишь такого?

– Как не помнить. Значит, это тебя я тут жду. Не торопись.

– Куда спешить, все там будем. А дело для тебя уже есть.

– Что за дело?

– Ничего особенного. Братана выручать надо, а то сгорит.

– За что его взяли?

– Клиент несговорчивый попался. Пришлось разьяснить популярно.

– От восьми до двенадцати?

– Ну, не зря тебя Таран нам рекомендовал. Смышлёный.

Они помолчали и выпили за тех, кто остался там. Потом за удачу.

– Документик надо один изобразить.

– Боюсь, я не смогу выполнить Вашу просьбу.

– А тебя никто не спрашивает.

– Я готов отработать свои долги иным доступным мне способом.

– И опять ты ничего не понял. Тебя разве не учили, что все надо делать по понятиям.

– Нет. Липу я кропать не буду.

– О, как.

– Так и передайте Тарану.

– Смотри. Ты сам тек решил.

Они выпили на посошок, и собеседник заторопился по своим делам. Метель продолжала разгуливать по коротким улицам и кривым переулкам в центре. Некоторые места на тротуарах она заносила сугробами, в которых утопали ноги прохожих, а где-то оголяла асфальт. Но это было лишь видимость полного своеволия. Время от времени появлялись дворники, родившиеся и выросшие совсем в иных местах, но вынужденные подрабатывать здесь, отчего они вечно ругали Москву за снег, грязь и прохожих. Пряча свои лица от ледящей метели в тонкие воротники спецовок, украшенных надписью с названием административного района, они не обращали внимания на припаркованную машину недалеко от входа в питейное заведение.

Сидевший внутри мужчина время от времени включал двигатель, чтобы согреться. Он следил за дверью и вспоми-

нал недобрым словом американцев, утверждавших, что автомобиль – лучшее место для скрытого наблюдения. Может быть, это в Калифорнии и так, но в России... Впрочем, работа есть работа. Появившаяся в ярко освещенном дверном проеме фигура отнюдь не богатырского телосложения его заинтересовала. Он вышел из машины и не торопясь тронулся вслед за неуверенно идущим мужчиной. Далее всё произошло очень быстро. Не было излюбленного киношниками блеска стального лезвия, противостояния со службой безопасности, поиска жертвы в прицел снайперской винтовки. Лишь двое прохожих случайно столкнулись на скользком тротуаре, занесенном снегом. Один извинился за причиненные неудобства и заспешил своей дорогой, а другой как-то импульсивно изогнулся и прислонился спиной к холодной стене дома, скрывая от редких прохожих небольшую рукоятку длинного шила, тонкое острие которого остановило мятежное сердце.

Наверняка у подвыпившего мужичка, неловко присевшего в сугроб у чужого подъезда, скоро обчистят карманы, а следователь, увидев справку о недавнем освобождении, не будет напрягаться и спишет всё на разборки между бомжами. Дело полежит какое-то время под пыльными папками, пока его не «пришьют» какому-нибудь бедолаге, который сознается и в этом, лишь бы его побыстрее забрали из холодного подвала, который метель никогда не обходила стороной. У каждого своя работа. И только однажды вечером в одном

из питейных заведений столицы, стилизованной под купеческий трактир, сурового вида мужчина опрокинет стакан белого вина господина Смирнова со странными словами: – Ну, не поминай лихом, маляр.

На закате

Коньяк на исходе дня удивительно хорош не потому, что только в это время можно полюбоваться его оттенками в лучах заходящего солнца, впитывая в себя мелкими глоточками его тепло и представляя всю непростую жизнь этого янтарного напитка. Начиная от любопытства в жаркой юности на виноградниках, тревоги при соприкосновении с шершавыми ладонями сборщиков, стрессе под безжалостным прессом и долгими годами раздумий в темноте подвалов, когда редкие встречи с мастерами ограничивались лишь однообразными вопросами о здоровье, а, возможно, потому, что в конце рабочей недели, остановившись после вечных проблем и суеты, внезапно ощущаешь пустоту в душе и потребность чего-то значимого, ради чего стоит жить, и нужен кто-то умный и чуткий, кому можно будет, не стыдясь, попытаться выразить неясные мысли о главном.

С годами друзей становится все меньше, а накопившиеся проблемы разделяют оставшихся все больше. Это молодость объединяла нас жаждой познания и радости, оставив приятные воспоминания о тех счастливых днях, когда чистая, томящаяся в одиночестве душа рвалась навстречу открытиям и приключениям, а все события с восторгом ложились на белый лист памяти нашего сердца. Постепенно мы начинали различать разнообразные оттенки поступков и событий,

незаметно для себя подчищая незримым ластиком первые неровные строчки этих записей, возвращаясь в потаенные уголки нашей памяти, когда душа требовала покоя и умиротворения. Шло время, и записей становилось все больше; бывало и так, что однажды мы безжалостно вырывали целые страницы, пытаясь выщипать даже мелкие обрывки, но они, как занозы, торчали из переплета, то и дело, напоминая о себе незримыми, но очень чувствительными уколами, причем самые болезненные доставались нам от самых близких. Наверное, поэтому большинство из нас общительны в молодости и так одиноки на склоне лет. Счастлив встретивший родственную душу и обретший с ней покой, ибо она все простит и, если нужно, чужие грехи возьмёт на себя, все прочие остаются один на один со своей книгой памяти. Прошлого не изменить, даже если в ожесточении протереть до дыр ненавистные строчки – всё равно сквозь них будет зиять чернота, можно лишь уговорить себя не смотреть в ее темные уголки или научиться читать через строчки.

Коньяк в такие минуты удивительно хорош не потому, что он затуманивает взор и уводит от реальности, нет, он собеседник, с которым не страшно заглянуть именно туда, куда обычно мы не решаемся заходить в одиночестве и, упаси Боже, с кем-нибудь посторонним, мы обходим запретные страницы книги памяти окольными путями долго, может быть – годами, пока не наступит час откровения с самим собой, когда ноша станет невыносимой и растерянные, мечущие-

ся глаза наши будут искать в людском потоке сочувствующий взгляд, обладателю которого можно открыться, и, как ни странно, найдут их в братьях наших меньших.

Не буду спорить: возможно, живой, все понимающий взгляд верного четвероногого друга вам ближе и вы передаете ему свою печаль нелегких воспоминаний, которые он безмолвно будет хранить до конца своих дней, а вы, пережив его, опять будете искать кого-то похожего на него, с такими же умными и преданными глазами. Мы не можем жить в одиночестве, мы рождены для любви или хотя бы для размышлений о ней. Возможно, более замкнутые натуры способны открыть свою душу лишь тем, кто большую часть своей жизни провел в темных дубовых бочках и знает цену одиночеству. Его терпкий насыщенный вкус только с годами располагает к неторопливым разговорам, и тут нельзя быть скрягой – отдайте все, что у вас есть, причем речь не идет о плате за дружбу – вы просто получаете возможность поговорить. Мы ведь готовы платить за книги или фильмы.

Я уже слышу хор возражений о том, что можно поговорить с попутчиком или собутыльником, но в такую искренность я не верю. Часто мы необъективны и склонны приукрашивать события в свою пользу. Обычно мир вращается вокруг нашего центра, а не наоборот, да и не все обладают музыкальным слухом и острым зрением, способностью точно различать запахи и вкусы, помнить или прощать. Мы так непохожи в восприятии мира и тем более в чувствах, кото-

рые эхом бродят потом по закоулкам нашей памяти, то, теряясь в его глубинах, то, возвращаясь вновь, повторенные и усиленные многократным отражением, а то и измененные до неузнаваемости.

Коньяк в этом случае очень хорош не потому, что он так долго хранит в себе тепло своей юности и так щедро готов поделиться им, не потому, что он так умело отстранит суету бытия, вытеснив все ненужное легким шорохом своего присутствия в голове, а потому, что возникает доверительное чувство откровенности, которое способен вызвать внимательный, понимающий собеседник, чье корректное поведение джентльмена лишает подозрительности и подталкивает к душевной беседе. Не берусь оспаривать мнение многих курильщиков, которые разовьют эту тему, наперебой обсуждая уместное присутствие в таких случаях сигареты, кальяна или сигары. Даже готов согласиться, что аромат трубочного табака располагает к неторопливым размышлениям, но это уже будет компания на троих, что более подходит к приятным воспоминаниям: об экзотической охоте, спортивных или других победах, удачах в рискованных делах или иных благосклонностях судьбы. Думаю, хороший виски более уместен встрече с давним приятелем, который, с удовольствием устроившись в глубоком кресле у камина, будет во всех подробностях рассказывать о трудностях долгих странствий, неожиданных встречах и удивительных приключениях, которые так украшают жизнь. Особенно в умелом изложении

бывалого путешественника и красноречивого рассказчика, чей язык становится столь ярким от прикосновения доброго глотка виски, что слушателю не нужно обладать особым воображением и закрывать глаза, чтобы перенестись из уютной компании в дебри Амазонки или страстные объятия амазонок, пленивших оратора вдали от цивилизации и оставивших его в живых только в знак благодарности за проявленные им чувственность и мужественность. Это – иной случай. Для размышлений о главном, когда хочется понять, почему всё так и зачем ты вообще пришел в этот мир, когда уверен, что не соврешь, ибо истина дороже, когда готов коснуться того, что так давно болит, но знаешь, что в одиночку не совладать – вот тут-то самое время откупорить добрую бутылку коньяку, и чем больше символов «X» будет в его имени, тем меньше непонятного останется после разговора с ним.

Коньяк в таком разговоре будет хорош только в том случае, если вы не будете заполнять им фужер, бокал или стакан, где он будет выглядеть просто нелепо, а осторожно нальете самую малость его в огромную рюмку, которую можно держать лишь обеими руками, и чувствовать, как он начнет овладевать вашим вниманием целиком, связывать ваши движения и помыслы, потому что после освобождения из многолетнего заточения он не может жить в одиночестве, ему необходимо ваше общество, тепло ваших рук, которое вернет его к новой жизни. Не торопитесь пригубить его немедленно, из любопытства: он боязлив и не сразу откроет свои

секреты. Только ощутив участие в своей судьбе, теплоту вашего сердца и внимательный взгляд, он оживет, заиграет отблесками и оттенками аромата. Он не приемлет лед ни в рюмке, ни в отношениях. Как недоверчивое существо, он сначала осторожно даст о себе знать и, лишь поверив, откроется и заиграет всеми гранями своей богатой натуры, но, если вам не удалось почувствовать это, оставьте и коньяк, и разговор для другого случая. Всему свое время и место. Однако если искра промелькнула меж вами, верьте: он вас не подведет.

С другой стороны, тот, кому не дано понять, почему некоторые предметы – фотографии, перстни, книги или неприемные безделушки – сопровождают нас всю жизнь, а то и передаются из поколения в поколение, вряд ли найдет смысл в этих строках. Если же вы когда-нибудь сталкивались с тем, что не только живое откликается на зов вашей души, то, возможно, поверите, что и коньяк обладает таким даром. Почему мы можем испытывать симпатию или ненависть к людям, которых давно не видим, привязанность к старым домам и тоску по городам нашей юности, почему мы храним пожелтевшие письма и засушенные листки среди книжных страниц, что заставляет нас возвращаться на знакомые улицы и прижиматься щекой к старым деревьям под заветными окнами, отчего мы вздрагиваем, услышав голос, так похожий на тех, кого давно нет с нами? Это – память сердца, она передается всему, что нас окружает и живет там. Кому-то да-

но чувствовать ее сильнее, кто-то отворачивается, делая вид, что незнаком с ней, но все мы продолжаемся в ней и тех вещах, что окружают нас.

Коньяк для размышлений о главном подходит как нельзя лучше потому, что его обычно в рюмке совсем немного, на донышке, но он заполняет собой все оставшееся пространство, а, сделав маленький глоток, вы ощущаете внутри себя его горячее присутствие, он, как образ любимой женщины, пронизывает собой окружающее пространство, вещи и мысли, сливаясь с ними и становясь частью их. И вот тогда вы готовы доверить ему все свои сокровенные мысли и тайны. Впрочем, если по неосторожности вы попытаете принудить его, он покинет вас, как и обиженная женщина: любовь и дружба невозможны без уважения.

Зная эти особенности характера своего собеседника, я бережно согревал его в ладонях и любовался игрой янтарных бликов в лучах заходящего солнца. Они притягивали мой взгляд и мысли, как магический шар на спиритическом сеансе, а первый же глоток позволил услышать его голос. Он был сродни голосу гипнотизера – какой-то навязчивый и властный. Отдаленная вспышка сознания робко засомневалась, что это могло быть чем-то иным, но она тут же погасла, и голос внутри меня зазвучал удивительно реально.

– Ты когда-нибудь разговаривал с джином из бутылки?

– Ну, для этого нужно крепко выпить, я до такого еще не доходил.

– Перестань, сейчас ты еще скажешь о белой лошади и горячке. Вздор.

– Иное мне не приходит в голову. А ты – серьезно?

– Вполне. Я слышал о тебе достаточно давно, вот только встретиться не доводилось.

– Хочешь сказать, что мы знакомы. Заочно?

– Вот что в тебе неистребимо, так это инженерная закваска. Все по полочкам хочешь разложить и бирки навесить. Меня всегда умиляла эта ваша фраза – инженер человеческих душ. Вы еще сантехников душе определите. Привыкли с детского сада все подписывать, начиная с номеров на горшках. Математики...

– Ты обобщаешь: был же Пушкин, Шекспир...

– Да их вам для того и посылали, чтобы глазки открыть. Я не говорю о Мессии. Это вам еще недоступно. Вы доросли только до идолов, и единственное, на что способны – идею гвоздиком прибить повыше и молиться на нее, подкладывая под толстый зад приношения.

– Это ты о вере?

– Наивность и любопытство – милые черты детства, в которых так приятно пребывать. Хотя пора бы подумать, я уж не говорю – задуматься. Что полезно.

– Чем больше я об этом рассуждаю, тем больше вопросов появляется.

– Например?

– Зачем я здесь? Ну, дом построил, детей вырастил, десять

заповедей соблюдал, а дальше-то что? Умирать?

– Браво. Я не зря надеялся, что с тобой можно будет по-толковать.

– Хватит умничать. Если знаешь – скажи, не зря же в бочке сидел столько лет.

– Сейчас ты еще скажешь, что освободил меня от тысячелетнего заточения и потребуешь три желания исполнить. Только не начинай с нового халата.

– Я даже не буду у тебя просить вечной молодости... Зачем все это и как устроено?

– Ну, к молодости мы еще вернемся. А про то, как все устроено, мог бы и в книжках почитать. Или не хватило терпения по библиотекам походить?

– Знаешь, то, что мне довелось читать, похоже на бред сумасшедшего.

– Неужели?

– Как тебе нравится заглавная фраза рукописи, претендующей на первоисточник: «Мир был создан 2318 лет назад в 4.15 утра...» или «Сначала Бог создал тьму, потом – свет, потом...»

– Ты читаешь только книжки с картинками?

– То, что смог найти.

– Найти – ключевое слово.

– Да, мне недоступны тексты на древнеаравийском или санскрите. Жизни не хватит выучить.

– А зачем тебе жизнь?

– Вот это один из моих вопросов.

– Не прячься за пустые слова. Ты хочешь сказать, что тебе мало 70 лет для учебы? Предположим, у тебя есть возможность десять раз остаться на второй год. 700 – хватит?

– Ты всегда так щедро раздаешь время?

– Мы, джины, иначе считаем его, чем люди.

– У тебя другие часы или их вовсе нет?

– Часы – ключевое слово. У кого-то – секунды, у кого-то – часы, у кого-то – века.

– Намекаешь, что у тебя вместо секундомера – векометр?

– Ты же не глупый мальчик и должен соображать, что единицы измерения, придуманные в одной стране, для другой звучат смешно. Давно ли в Москве пользовались фунтами и золотниками? Двухсот лет не прошло, а все забыли.

– Все течет, все меняется.

– Мудрые слова.

– А бессмертие есть?

– Ты хочешь жить вечно?

– Я знаю, что все умирают. А потом-то что? Говорят про какой-то свет в тоннеле. Что вернуться можно...

– Ты опять все в кучу валишь. Закусывай, давай. А то вместо меня парнокопытный придет с рогами и хвостом. Будет предлагать что-нибудь непристойное.

– Погоди, так смерти нет?

– Это почему?

– Так хочется жить вечно и не умирать.

– И что бы ты делал? Прочёл рукописи Мертвого моря или начал бы с библиотеки Ивана Грозного?

– Так её не нашли.

– Вот потому ты и читаешь книжки с картинками, а Гермес у тебя либо суперклеи, либо фонд с фантиками.

– Так можно жить тысячу лет?

– А ты старика столетнего видел? Представь себе, как будешь выглядеть постарше.

– Так может не стареть?

– Вот мы и добрались до вечной молодости.

– Хочу.

– Ну, представь себе, что ты миллионы раз женился, вдовел, хоронил детей, а первая любовь больше не придет. Никогда. И предвкушение первого поцелуя, и первая заря над рекой в тумане... Даже близость смерти и праведного суда над тобой бессильны будут. Кем ты станешь? Города и крепостные стены будут разрушаться, и заноситься песком, а твоего лица не коснется и тень сожаления. Одиночество во цвете лет. Вечное одиночество.

– Пусть все живут вечно.

– Мне нравится твой пионерский задор.

– Ты хочешь сказать, что все относительно?

– По сравнению со временем перехода электрона с одной орбиты на другую...

– Мы и сейчас живем вечно.

– Умница.

– Хорошо, пусть так. Тогда зачем мы живем?

– Я бы продолжил: зачем убиваем друг друга...

– Но ведь есть же и добрые дела. Есть же любовь!

– Браво.

– Так мы живем ради любви?

– Не только. Это самая сильная и высокая нота, но есть же еще и другие: творчество, познание, дружба. Душа многогранна, но звучит только гармоничная мелодия. Если бы существовала лишь одна любовь на белом свете, как бы ты ее отличал от нелюбви или ненависти? Предательство от верности, чистоту от низости?

– Мы должны совершать убийства ради жизни? Ненавидеть, чтобы любить?

– Во-первых, никто никому ничего не должен. Вы сами выбираете дороги. Вы – учитесь. Сами придумываете законы, которые потом и нарушаете, пишете книги, которые сжигаете, пишете лозунги, а потом за них же рубите головы.

– Это какие?

– Свобода, равенство, братство, например.

– А что в них плохого?

– Свобода от законов или желаний? Равенство с гениями или бездарью? Братство с богатыми или бедными?

– Ну и зануда же ты.

– Вот так всегда. А не хочешь спросить про вампиров, ведьм и призраков?

– Оставим это до следующего раза. Лучше скажи, зачем

сны снятся.

– Да, много у вас еще впереди интересных открытий.

– Я – серьезно.

– Так ведь и я о том. Меня всегда удивляла в людях жажда чего-то особенного. Никто не хочет разобраться в том, что имеет. Каждый хочет то, чего ни у кого нет или вообще не может быть. Как в сказке. Вам подарили такое тело и такой разум! А на что вы его тратите. Помнишь байку про микроскоп и гвозди? Так это – рядом не лежало.

– Ладно, ты про сны ответь.

– А что тебе непонятно? Вот вечно жить ты хочешь, а данную тебе возможность каждую ночь проживать новую жизнь в ином мире не знаешь куда девать. Будешь, в лучшем случае, смотреть в ящик, где другие играют в чужие жизни, а сам с места не двинешься. А чем простой сон хуже самого замечательного сериала? Только тем, что это было не с тобой? Ты во сне можешь отличить что реально, а что нет? Только если заставишь себя проснуться. Так научись пользоваться тем, что имеешь, и забудешь о бессмертии. Выбирай.

– Хочешь сказать, что сны нам даны для экспериментов?

– Ну, уж не для того, чтобы треть жизни переваривать съеденное на ночь.

– Припоминаю, что читал что-то подобное об обмене телами.

– Дремучий ты. Да зачем тебе чужое тело, если ты в чистом виде все эмоции получишь без всяких проблем с фи-

зиологией. Вот непременно нужно построить железную дорогу, паровоз, билет купить и только потом к морю доехать, а сразу получить удовольствие от прозрачной глубины на Карибах – это сложно. Причем поплавать можно там кем угодно – хоть акулой, хоть русалкой. Выбирай.

– Но ведь это не по-настоящему.

– Узнаю инженера. А тебе что важно – справка с исходящим номером и синей печатью или впечатления? Ты хотел что-то узнать или получить от меня индульгенцию? Да многие из вас до сих пор любить не научились, а только кино про нее смотрят.

– Короче, едим уже пережеванную пищу.

– Детишкам часто дают такую, чтобы не подавились.

– Ну, а если у меня бессонница или мне не снятся сны?

– А что, все рождаются чемпионами и профессорами?

Трудиться надо.

– Но есть же династии, наследственность. Старт у всех разный.

– Так ты хочешь быть фараоном?

– Почему – нет.

– А что тебе мешает сегодня же ночью окунуться в его жизнь? Все зависит от твоей фантазии. Или все-таки главное, чтобы в скале рабы твой профиль высекли, а под ним – твое ФИО.

– Ну, фамилию не обязательно.

– Ой, не лукавь. Видел я эти буковки на камушках. Все

в вечность норовят попасть, хотя имя свое настоящее мало кто знает.

– Почему?

– А ты думаешь, что Пупкин – твое истинное имя? Наивный.

– Как родители назвали, так и кличут.

– Вот именно, кличут...

– Слушай, а как мы женщин выбираем. Ну, или – они нас.

– Тебе формулу написать?

– Нет, я – серьезно. Ведь сколько трагедий, сколько жизней сломано, о брошенных детях я вообще не говорю.

– У каждого своя судьба, но и от тебя многое зависит. На что согласишься, то и получишь.

– Постой, ведь говорят о второй половине. Как ее найти?

– Тебе нужен прибор с циферками?

– Хочу понять в принципе.

– А принцип – в тебе самом, и его давно сформулировали: кто ищет, тот найдёт.

– Но ведь бывает, что любовь соединяет двоих, а потом они врагами становятся. Так что, любовь – обман?

– Игра в любовь – обман. Себе врать не нужно.

– Ох, и правильный ты, а как же человеческие слабости?

– Так ты сам выбираешь.

– Понятно. Тогда я еще плесну волшебства в рюмочку, и мы поговорим...

– Ты хочешь спросить, а что было бы, не скажи ты тогда

тех неправильных слов, что мучают до сих пор.

– Ты прав. Иногда я возвращаюсь в своих воспоминаниях в то далекое время и пытаюсь понять, почему я так несправедливо поступил и что было бы, если...

– Если бы ты не сказал этих слов в тот памятный для тебя вечер, ты сделал бы это в другой раз, но тогда все было бы ещё серьезней.

– Мне кажется, что тот вечер преследует меня всю жизнь.

– Пора бы понять, что это был урок, и тебе просто показали, что из этого следует. Ты же запомнил...

– На всю жизнь.

– А некоторых бьют по голове несколько раз, пока до них дойдет.

– Это наши учителя?

– Называй, как хочешь – судьба, учителя, нелегкая. Никто ведь не обращается к близким по имени и отчеству. А они – близкие. Поверь мне.

– Слушай, я еще хотел спросить...

– Закрывай бутылку и ставь в шкаф. Ночь уже. Это от нас никуда не уйдёт.

Я сидел на веранде и прижимал обеими руками к груди пустую рюмку, в огромных недрах которой ещё витал крепкий дух старого коньяка. На душе было удивительно легко и спокойно. Приятное тепло и усталость клонили ко сну. Мне всегда снятся добрые сны, если выпить немного хорошего коньяку на закате.

Наше прошлое

Первые лучи солнца не нашли отклика на столичных крышах в это майское утро. Было, похоже, что Москва, устав от праздников, повернулась на другой бок, намереваясь продлить удовольствие от безмятежной дремы и еще немного понежиться в теплой постели. Где-то на центральных улицах и привокзальных площадях суэта не замолкала даже в эти тихие часы, но окраины, спальные районы, тихие старые переулки и дворики ещё спали, и лишь владельцы собак выгуливали своих питомцев, для которых ни календарные события, ни время года не оказывают особого влияния на привычный моцион. Это время всегда считалось сугубо личным. Даже звонки мобильных телефонов не посягают на его границы, несмотря на ускоряющийся ритм беспокойной жизни, который все чаще меняет наши взгляды на общепринятые пределы. В это время можно предаваться мечтам или приятным воспоминаниям, когда реальность и вымысел так ловко сплетают свои ветви, что хочется бесконечно бродить по их удивительным лабиринтам, оказываясь в плену своих фантазий. А лишь те, кто поддался легкому помешательству майских желаний и оказался в это воскресное утро рядом с другим человеком, который еще вчера вечером казался пришельцем из блаженной страны грез, а сейчас безразлично спит рядом, спрашивают себя, не ошибся ли он, так ли все должно было

произойти. Наверное, потому, что мы очень ревностно относимся к будущему и прошлому. Мы всегда сами хотим контролировать процесс перехода из одной категории в другую. Настоящее – не в счет, оно есть, и о нем не стоит беспокоиться: протяни руку – и дотронешься, потом крути, как хочешь. А вот с прошлым сложнее. Его не изменить. И главное, чем больше перешло из будущего в прошлое, тем меньше там осталось. Это и есть жизнь. Поэтому в молодости мы торопимся, бесшабашно растрачивая будущее, чем очень похожи друг на друга, и, лишь осознав, что впереди почти ничего нет, превращаемся в таких разных людей с таким непохожим прошлым.

Те, кто просыпается тихим майским утром в одиночестве, уговаривают себя, что это и есть свобода, кто слышит не первый год знакомое сопенье рядом, любит помечтать, а кто увидел на соседней подушке новое лицо, начинает сомневаться. Со временем эти сомнения все сильнее. Мы становимся более осмотрительны и строже, ибо уже можем сравнивать. Опыт взаимоотношений оберегает нас от ошибок, но какая-то неудержимая жажда поиска все время подталкивает нас на необдуманные поступки. Наверное, мы оправдываем себя, ссылаясь на какие-то обстоятельства, но себе-то мы не сохраним, зная, как трудно утолить эту жажду. Останется ли она с нами навсегда или тоже когда-нибудь уйдет в прошлое и станет лишь предметом воспоминаний? Сможет ли она там поселиться по соседству с прошедшими праздниками и юби-

леями, которых с некоторых пор становится всё больше?

– Интересно, человек умирает потому, что заканчивается отведенное ему время или он выполняет все, что предписано ранее? Скорее всего, и то и другое взаимосвязано, иначе более шустрые нарушили бы порядок. Хотя можно ли вообще говорить о порядке в данном случае...

Эта мысль последней прозвучала в сознании мужчины, лежащего посредине большой кровати. По выходным он не суетился, объявляя мораторий на любые обязанности. Это была одна из немногих слабостей, от которой он не хотел избавляться. Обычно собранный и подтянутый, он всю неделю жил по строгому расписанию. Утренние пробежки в любую погоду, ледяной душ и спартанский завтрак заряжали его энергией на весь день. Работа давно стала смыслом его жизни, и он не противился этому. Отсутствие вредных привычек и семьи позволяли целиком отдаваться, как теперь говорят, бизнесу. Хорошая квартира, удовлетворявшая все его маленькие капризы, была крепостью, где он скрывался от внешнего мира. Даже нанятая домработница приходила в его отсутствие, и он общался с ней в основном записками.

– Эх, Егоров, никогда тебе никто не принесет воскресный кофе в постель...

С иронией подумал он о себе несчастном, о том, как было бы приятно почувствовать, ароматный запах колумбийского кофе рядом с собой. Не услышать звук кофемолки или приближающиеся шаги из кухни, а лишь уловить его запах, сте-

кающий через края небольшой изящной чашки, которую заботливая рука незаметно поставит на подлокотник рядом с ним. Так, чтобы он не обжегся и не опрокинул её, а сможет спокойно насладиться, приподнявшись на подушках.

“Опять незримая блондинка

Неслышно кофе подает

И, томным взглядом обжигая,

Лимон на блюдечке несет” – Начал было подшучивать над собой мужчина, играя роль одинокого страдальца, кому и сухарик

не подадут. Друзья и коллеги знали это и всегда подыгрывали. Давно перейдя в разряд завидных холостяков, он умело пользовался своим положением. Немало красавиц тщетно пытались прибрать его к рукам, но он разменял уже пятый десяток, а своей свободы не утратил.

“Изящный стан, и грудь прелестна,

И в кольцах узкая рука,

Свежа, как юная невеста,

Ты капни в кофе коньяка” –

Продолжил он шуточное четверостишие, чтобы приподнять настроение. Частенько новые сотрудницы или знакомые знакомых, которые как бы невзначай оказывались рядом в удобных для сближения местах, попадались на его шутки. Нельзя сказать, чтобы он любил вгонять их в краску или высмеивать, скорее всего, это была защитная реакция на появ-

ление прелестницы в зоне досягаемости. Его досягаемости. За годы холостяцкой жизни он вполне освоил азбуку игры и был всегда на страже. На страже своей независимости – в делах и на личном фронте. Возможно, это был его талант так выстраивать взаимоотношения, что и бывшие партнеры по бизнесу, и просто знакомые всегда с теплом отзывались о нем. Скорее всего, он с самого начала стремился к такому окончанию дела и умело придерживался выбранной тактики.

– Допустим, найдется ненормальная, которая согласится в расцвете красоты своей приносить тебе, о несчастный, кофе в постель и терпеть все твои выходки, а взамен что? – продолжил мужчина свои размышления.

Как бы оправдываясь, он всегда вспоминал своих знакомых, которые иногда прикрывались имвыбираясь, кто на рыбалку, кто – на охоту, кто – на партию преферанса или свидания. Волею судеб он частенько был тайным поверенным мужских слабостей, отчего семейная жизнь представлялась ему сплошным переплетением страстей и интриг. Казалось, куда проще и честнее жить в одиночестве и воскресным утром самому готовить себе кофе.

На кухне звучала ставшая последнее время любимой симфоническая музыка, поджаривался с пряностями миндаль, поспевал кофе, и тонкие ломтики испанского хамона уже манили к себе. Он знал, что в процессе этого неторопливого завтрака у него вновь появится лирическое настроение. Оно пробуждалось только в такие воскресные часы, когда он ста-

рался максимально отключиться от внешнего мира. Что-то возникало в душе одинокого мужчины, и его влекло рисовать. Какое-то время он сдерживал себя, стараясь сосредоточиться на главном, и неясное желание сформировывалось в конкретную идею. Он начинал видеть очертания композиции. Обычно это была такая буйная фантазия, что приходилось жертвовать деталями ради полета мысли. Однако позже, когда он усаживался в кресле и начинал всматриваться в то, что получалось, он разочаровывался.

Никогда раньше он не рисовал и даже не пытался. Случаю было суждено все изменить. Прошлым летом он был с коллегами на Ибице. Неделью они купались, ходили по барам и пытались освоить нелегкое развлечение ночных дискотек. Все ушло бы в прошлое, не оставив и следа, если бы он не увидел однажды, как парень рисовал, разбрызгивая краску из аэрозольных баллончиков с автомобильными эмалями на куске картона. Ловко прикрывая одни части рисунка какими-то мисочками, крышечками и дощечками, он раскрашивал другие, и за четверть часа получал удивительно яркий рисунок с глянцевыми изображениями, больше напоминающими фотографию. Инструмент подкупал своей доступностью, и, казалось, мог реализовывать самые смелые порывы фантазии.

Приехав домой, он попробовал сам нарисовать что-то, и заболел этим. Прошло около года, а у него уже были десятки картин. Поначалу он никому не показывал их, но по-

том не удержался. Представив гостям свои творения, он с удовольствием отметил их нешуточный восторг. У него действительно получалось. Это были картины фантастического и религиозного содержания. Он и сам не мог объяснить себе, откуда появлялись эти сюжеты: инопланетяне, невообразимое зверье, старцы с юными глазами, девушки-воины, всякая нечисть и космические пейзажи. Постепенно он начал использовать освоенную технику разбрызгивания краски как фон для более совершенных картин, рисуя их слоями и добавляя главное тонкими кисточками и перьями. Лики святых сменили грустные глаза пышных красавиц, роса на траве – батальные сцены Апокалипсиса, стрекоза на сломанной травинке – знойные пейзажи планеты с тремя солнцами. Однако последняя идея никак не воплощалась в картину.

В феврале друзья затащили его в монастырь под Новгородом на проводы русской зимы. Весь день они играли в снежки, ели блины, катались с крутой горки, пили медовуху, орали песни, водили хороводы, рядились в расписные одежды и кувыркались в снегу, как дети. После долгого и обильного ужина поехали кататься на санях, запряженных в тройки. Он очень хорошо помнил, как всех охватил какой-то необъяснимый восторг. В машине так никогда не чувствуется скорость. В воздухе уже витал запах весны. Азарт погони за маячившими впереди санями просто опьянял. Накинутые казенные тулупы развевались на ветру, напоминая крылья. Казалось, вот-вот – и можно будет дотронуться до спинки ле-

тевших впереди саней, но тот возникший щелкал хлыстом и зычно вскрикивал. Лошади резко увеличивали темп, и сани отрывались от преследователей. Конечно, это была запланированная игра, но увлеченные ею участники гонок в азарте подбадривали своего возникшего, суля деньги за выигрыш. Скорость, перезвон бубенцов, крики и хохот сливались в единый порыв, охвативший всех участников.

Именно тогда он увидел её глаза. Она обернулась, подшучивая над отстающими саними. Озорная улыбка, звонкий смех и яркий румянец так гармонировали с её полушубком и цветастой шалью, что он застыл от неожиданности. Она была видением из старых русских сказок или былин. Эдакая нереальная красавица, о которой можно только рассказывать или сочинять, но каких в жизни не бывает. К ней подошло бы имя Варвара-краса или Василиса Прекрасная, а может, еще что-то сказочное, но она была живой. Особенно – её взгляд. Помнится, он тогда ухватил за плечи мужичка, погонявшего их тройку, и молил его догнать летящие впереди сани. Он тряс его со всей силы и кричал в ухо, что осыплет деньгами с ног до головы. Но то ли судьбе угодно было поиграть с ним, то ли случай такой подвернулся, только их сани с размаху влетели в сугроб и перевернулись. Все с визгом и криками вылетели в снег и долго потом выбирались из него.

Вернувшись, веселая компания продолжала застолье далеко за полночь. Тогда никто и не заметил, что он все время вглядывался в лица всех встречных женщин, пытаясь отыс-

кать её лицо. Однако ему так и не встретились те удивительные глаза. Была ли она из компании, что веселилась в другом ресторане или в соседней деревушке, спутал ли он её с кем-то, привиделась ли она ему? Кто знает... Да только потерял он покой с тех пор. И чем больше проходило времени, тем сильнее становилось его желание встретить эту удивительную женщину, что могла так смеяться и смотреть. Иногда она снилась ему, и он пытался догнать улетающие вдаль сани. Почему-то босиком бежал за исчезающим силуэтом, протягивая вперед руки.

В который раз он собирался нарисовать её. У него уже получались и снег, и резвые кони, и летящие сани, переполненные смеющимися людьми, даже лукавый мужичок, ухмыляющийся в жиденькую бороденку, был настолько правдоподобен, что казалось, молчаливо посмеивался над ним: «А вот и не отыщешь ты свою королеву!». Она и вправду стала королевой. Королевой его снов, его мечты.

– Нет, таких женщин не бывает, – пытался уговаривать он сам себя.

И чем чаще он делал это, тем сильнее крепло в нем желание найти её или нарисовать. Да, именно – нарисовать. Воплотить свои мечты в необычную картину, не дававшую покоя вот уже несколько месяцев. Она должна была бы стать его лучшей картиной. Картиной его жизни. Вот только ему никак не удавалось передать выражение её лица и таких удивительных глаз. Как же это сделать, чтобы все смогли понять,

какая удивительная женщина взглянула на него в тот миг. Королева! Кофе давно остыл, а рука все еще держала маленькую изящную чашку из тончайшего прозрачного фарфора. Он только по выходным пил из нее кофе, и это была часть ритуала. Подобно жрецу или шаману, он вводил себя в состояние транса проверенным, отточенным до совершенства способом. Каждая деталь имела свое предназначение и определенный смысл. Он должен нарисовать её. Он непременно нарисует её именно такой, какой он видел её в тот необычный вечер уходящей зимы. Не зря он гнался за ней в санях. Бешеная гонка была не случайной. Он хотел догнать свою мечту – недостижимую и вечную.

Он обязательно нарисует её сегодня, нужно только припомнить все детали того вечера. Нужно окунуться в то время, в то настроение. Память хранит наше прошлое, ничто не ускользнет от её пристального взгляда. Вот засвистел встречный ветер, глухо застучали копыта резвой тройки, послышались голоса. Скорость нарастает. Нужно догнать мелькающие впереди сани. Она там. На этот раз у него получится, он догонит сани и попросит остановиться. Она, смеясь, согласится, и будет стоять, и смотреть на него, а он будет рисовать её удивительное лицо и этот взгляд – волшебный, сказочный. И этот вечер на исходе зимы, и тройку, что уносит за собой сани по заснеженной бескрайней равнине, что хранит наше прошлое.

Осенний полдень

Потревоженная порывом ветра цепочка на трапе, ведущем к капитанскому мостику, жалобно звякнула и начала раскачиваться. Всю навигацию она самоотверженно стояла на пути любопытных подростков и расшалившихся взрослых, отважившихся прорваться к штурвалу и порулить. Но теперь, с окончанием туристического сезона, она покорно свисала, едва касаясь крючком ступеньки. За ненадобностью ею уже не пользовались – на судне осталась только дежурная вахта – и цепочка давно бы впала в спячку, если бы не задира-ветер. Он гнал тяжелые дождевые тучи над самым лесом, окаймлявшим реку и небольшую бухточку под названием *Радость*.

Очевидно, жаркими летними днями эти берега привлекали множество отдыхающих, а песчаный пляж, зеленые поляны, березовые рощи да красавец сосновый бор на высоком берегу действительно щедро дарили радость приезжим. Теперь же пейзаж был угрюмым и с названием не гармонировал.

Осень.

Редкие суда неторопливо проплывали мимо, они будто гордились, что еще работают, в то время как все вокруг готовилось к предстоящей зиме. Даже птицы исчезли. Вдалеке, там, где река разлилась на пару километров в ширину, вид-

нелись разноцветные паруса. Похоже, любителей парусного спорта не так просто испугать плохой погодой, а вот это судно уже никуда не торопилось. Холодные ветра и дожди давно разогнали отдыхающих и рыбаков, прекратились и корпоративные вечеринки на борту, когда сотрудникам давали повеселиться подальше от любопытных глаз.

Октябрь.

В полдень хочется выбраться на верхнюю палубу и, найдя местечко для пластикового кресла, устроиться в нём. Как хорошо думается в это время! Прохладный ветер заставляет поплотнее укутаться в одежду, но не в силах прогнать в каюту. В глубине души просыпается тот, кому нравится шум ветра, плеск серых волн о борт раскачивающегося судна и кажущееся одиночество. Появляется желание встать к штурвалу и, широко расставив ноги, слиться с палубой, вздрагивающей от ударов волн, а солёные брызги будут сохнуть на ветру, так и не успев скатиться каплями по мужественному лицу.

Романтика.

Ветер будто услышал эти слова и так рванул облака, что они, зацепившись за верхушки сосен, порвались. В образовавшуюся прореху хлынул яркий солнечный свет. Пришлось зажмуриться, ощущая сначала лицом, а потом и всем телом приятное тепло. О это щедрый подарок! Летом он остался бы незамеченным, но сейчас каждая клеточка ощущает прикосновение забытого тепла. Лишь потерявший знает, что ис-

кать. Нахлынули воспоминания. Лавина эмоций врывается из только что ушедшего лета: жара, купание, игры на пляже, холодное пиво с друзьями, безумие дискотек, знакомства, флирт, романтический ужин при свечах, переходящий в завтрак в постели. Мелькают лица, будто ветер перелистывает забытый на скамейке глянцевого журналу, оставляя в душе чувство неудовлетворения.

Жажда.

Она преследует, заставляя совершать необдуманные поступки. Как ненасытное чудовище, подгоняет, требуя всё новых жертв, а горячая кровь струится по жилам, разнося наркотик необузданных желаний. Впрочем, это свойственно только жаркому лету. Холодный октябрь располагает к размышлениям, удастая всё наспех пережитое лишь горькой усмешкой. Ветер уже опомнился и латает прореху: рваные бледно-серые лоскутки пытаются закрыть солнце. Но он торопится, и в этой спешке ещё несколько минут забытое тепло дарит настоящее наслаждение. Обилие не ценится, оно безрассудно, безоглядно транжируется, и, лишь когда оно исчезает бесследно, а рука судорожно шарит в пустоте, приходит отчаяние. И вместе с ним странный вопрос – зачем. Говорят, что перед смертью также за несколько секунд вспоминается вся жизнь. Наверное, это для того, чтобы человек сам себе ответил, зачем всё это. Впрочем, короткий всплеск осеннего солнца – это ещё не смерть, скорее всего, это предупреждение. Осталось совсем немного, но как это дорого.

Осознавая, что надолго, ну, не навсегда, но очень надолго, скроется солнце, унося тепло и надежду, начинаешь взахлёб впитывать его, цenia без меры каждую капельку. Это... это просто...

Блаженство.

Оно растекается по всему изголодавшемуся телу приятной волной, наполняя душу утерянной радостью. Пусть впереди холода и метели, но этот последний миг тепла запомнится на всю жизнь. Позже, когда реку покроет толстый лёд, я приду сюда, проваливаясь в сугробах по пояс, чтобы ещё раз вспомнить этот сладкий миг. Наверное, поздняя любовь тем и дорога нам, что она может быть последней, что уже никогда-никогда не встрепенётся сердце и не защемит от одной мысли о дорогом человеке. Впрочем, о чём я? Это всего лишь от порыва ветра жалобно звякнула цепочка, намекая, что путь открыт. Это ещё не колокол.

Последний бой

Помню, как Вовчик появился в нашем клубе. Сначала, нагнувшись, чтобы не зацепить дверной проём, в зал вошла дородная дама средних лет. Крупное загорелое лицо, очевидно, давно привыкло к вниманию окружающих и не выражало никаких эмоций. Осмотрев спортзал с высоты птичьего полёта, она быстро определила во мне тренера и властно поманила рукой. Движение огромной ладони под потолком быстро привлекло внимание младшей группы, и все, как по команде, повернулись. Мне не оставалось ничего иного, как объявить минутный перерыв и подойти к даме. Её лицо озарилось приветливой улыбкой, блеснув такими великолепными зубами, что у меня промелькнуло в голове: «Есть женщины в русских селеньях». Без лишних слов она извлекла прятавшегося за её спиной пацана, чем-то похожего на слонёнка. Кто-то из моих учеников узнал его и хихикнул. Вовчик залился румянцем и насупился. Без слов было ясно, что он растёт в «женской» семье, где и мама, и бабушки, и тёти, и сестры, и их знакомые – все с любовью относятся к доброму мальчику, но в школе и во дворе он является постоянным предметом насмешек и дежурных острот. Скорее всего, после очередного инцидента состоялся семейный совет, где в непростой борьбе победили прогрессивные идеи образования. И мама решила исправить ситуацию и отдать Вовчика

на воспитание «в мужскую среду». Мы быстро решили все формальности, и в клубе карате появился новый ученик.

На следующей тренировке в последнем ряду начинающих возвышалась фигура Вовчика. Очевидно, вся семья снаряжала добра молодца в поход. Сшитое из стареньких простыней кимоно было отутюжено и украшено вышитыми иероглифами, расписной пояс опоясывал солидный живот, а потёртые кожаные перчатки говорили о серьёзности намерений. Стоявшие рядом первоклашки то и дело оборачивались на него с открытым ртом, бойцы постарше снисходительно улыбались, а девчонки, стреляя глазками, еле сдерживались от смеха. Яркий румянец на лице Вовчика только подчеркивал сменяющие друг друга выражения растерянности, сомнений и отчаяния. А когда началась разминка, гулкий топот его прыжков эхом разносился по всему додзё, стараясь сбить всю группу с ритма. Как мог, я исправлял ситуацию, но не акцентировал внимание, исходя из принципа, что каратэ это, прежде всего, победа над собой, над своими слабостями. А двадцатилетний опыт преподавателя подсказывал мне, что именно из таких увальней вырастают самые преданные ученики.

Поначалу Вовчик больше напоминал макивару, чем бойца. Неуклюжие движения, невнимательность, отсутствие растяжки стали предметом постоянных шуток. Он обливался потом, кричал, как старый дед, а когда кто-нибудь из ребят, проводя атаку, резко останавливал пятку перед носом

Вовчика, демонстрируя отличную технику, он закрывал глаза и скрещивал руки на груди, всем своим видом говоря, что согласен на всё, только не больно. Приходилось больше уделять внимание не столько его технике, сколько его внутреннему миру. И судя по его доверчивому, открытому взгляду, брошенные зёрна ложились на благодатную почву.

Многие спортивные тренеры проводят очень жёсткий отбор учеников. С огромным упорством они ищут «своих» среди подростков. И, если повезёт найти, выращивают звёзд. Но спорт – изобретение западной цивилизации. Европейцу трудно понять, зачем совершенствовать своё мастерство в рисунках на мокром прибрежном песке или оттачивать каллиграфию, изображая водой иероглифы на горячем камне. Возможно, загадочная русская душа своей открытостью и готовностью сострадать гораздо ближе к восточной духовности, чем западный практицизм. А может быть, в додзё собирается больше приверженцев «процесса», чем «результата», и они готовы бесконечно совершенствовать свою душу и тело, оттачивая боевое искусство. Ибо только опасность и близость смерти на острие заставляет мобилизовать все человеческие ресурсы. Так или иначе, но традиционные школы каратэ не ставят никаких ограничений для новичков, но имеют очень жесткие правила для учеников. «Путь самосовершенствования», а не «медаль» является ключевым словом.

Когда третье кимоно разошлось по швам от пота на могучей спине Вовчика, он уже «сидел в шпагате» и не закатывал

вал глаза от испуга. Раньше всех влетал в раздевалку перед тренировкой и последним выходил из зала. Падал без сил при отжиманиях и снова поднимался на дрожащих от усталости руках. С завидным упорством он учился не сдаваться. По-прежнему над ним подшучивали, щипали и толкали, а в короткие минуты отдыха или в шутливых эстафетах на нем гроздьями висели младшие и топтались ровесники. В любую стужу и снегопад Вовчик первым протапывал дорогу к двери спортзала, и я не помню, чтобы он болел, уезжал в отпуск или отпрашивался на дискотеку. Что-то родилось и крепло в его душе. Однажды наш клуб проводил «открытый ковер» – когда на тренировку приглашались ученики других школ и в неформальной обстановке мерились силами. Это проходило как обычное занятие, но желающие могли проверить себя в борьбе не с товарищем, все особенности которого они знали, а – с незнакомцем. Родные стены помогали, а отсутствие официоза городских или областных соревнований позволяло сделать первый шаг проще. В такой ситуации пары составляются не по жеребьевке, и я часто использовал фактор неожиданности, когда партнеры в поединке неравноценны. Это мог быть сильный и новичок, высокий и малыш, парень и две девчушки. Скорее, они преодолевали психологические барьеры и учились вести бой в нетривиальной обстановке, чем обязательно побеждать. Заранее планов никаких не было, больше это походило на игру, импровизация доставляла удовольствие и ученикам, и мне. Выбирая очередную пару,

я встретился взглядом с Вовчиком – он не отвёл глаза в сторону, как прежде, а спокойно смотрел на меня. Я рискнул, поставив передним ним в кумитэ красу и гордость школы – чемпиона Стаса.

Посмеиваясь, он начал кружить в танце вокруг Вовчика, выбирая что-нибудь эдакое из своего богатого арсенала. Неожиданная подсечка и фиксирующий удар припечатали Стаса к полу так стремительно, что никто не понял, что же произошло. Растерянным взглядом Вовчик посмотрел на меня, всё еще не веря в случившееся. Стас не растерялся и с наигранным благородством похлопал Вовчика по плечу, показывая всем своим видом, что подставился специально. Но глаза его так холодно посмотрели на противника и после команды «хадзимэ» на Вовчика посыпался такой град нешуточных ударов, что я насторожился. Все притихли, наблюдая за стремительно нарастающим поединком, давно перешагнувшим дружеские рамки. Стас выстреливал одну комбинацию за другой, делая атаки всё более жёсткими. Он теснил Вовчика в тот угол зала, где сидели девчонки, в надежде эффектно завершить бой и реабилитироваться. Был слышен только шорох кимоно и звуки блоков, отводящих удары. Внезапно Вовчик провел такой красивый круговой мавасигери, так чисто коснулся левой щеки Стаса подъёмом своей стопы и так изящно ушёл в сторону, что в опустившейся тишине эхо его «кийя» долго металось от стены к стене ошеломленного зала. Это была чистая победа.

Весь вечер мы долго обсуждали короткий поединок и не раз возвращались к нему позже. Только Вовчик пришёл на следующую тренировку прощаться – сказал, что добился, чего хотел, а дальше у него другие планы. Прерывисто вздохнув, поклонился додзё и ушел. По его спокойной и уверенной походке я понял, что в его жизни это был первый и последний бой.

Поворот

Полуденное солнце первых весенних дней уже начало прогревать сугробы во дворах, и те быстро старились, чернея и обнажая накопленную за зиму грязь, будто трухлявый скелет. Снега в этом году было много, и высокие сугробы у домов давно примелькались, создавая иллюзию своей незыблемости, но первое же по-настоящему весеннее тепло заставило их дрогнуть. Они не сдавали позиций, сопротивляясь, однако запах перемен уже витал в воздухе.

Ольга на минуту задержалась у окна. Солнце заливало двор ярким светом, выманивая из привычных убежищ обитателей большого многоэтажного дома. Пенсионеры, хозяйка собак со своими питомцами, молодые мамы с детьми, подростки на спортивной площадке – все, кто мог позволить себе в субботу не сидеть в четырех стенах благоустроенных квартир, были во дворе. Истосковавшись по общению за долгие дни зимней осады, городские жители с радостным ожиданием перемен покидали свои убежища, стремясь к новой, вернее, отложенной на некоторое время жизни. Казалось, и сам двор, окружённый высоким монолитом домов, как крепостной стеной, ожил, стряхивая с себя остатки зимнего сна. Этот двор был необычным: он выгодно отличался от своих молодых собратьев некой обособленностью. В отличие от большинства современных микрорайонов, проду-

ваемых всеми ветрами и пересекаемых тропинками и пешеходными дорожками во всех направлениях, этот двор был закрыт со всех сторон домами. Лишь арки над двумя неширокими асфальтовыми дорожками служили неким подобием крепостных ворот, сохраняя внутренний уют.

Ольга с детьми недавно переехала в эту квартиру. После долгого и мучительного развода с первым мужем, знакомства с будущей свекровью и нового замужества, она, наконец, начала привыкать к нормальной жизни. Каждую субботу Ольга полностью посвящала уборке. Любовь Петровна, свекровь, демонстративно уезжала со своим мужем, Владимиром Николаевичем, на дачу, чтобы избегать мелких конфликтов из-за разногласий по ведению домашнего хозяйства. Она долго сопротивлялась неожиданному решению единственного и любимого сына Игоря жениться на женщине старше него, да ещё с двумя детьми. Любовь Петровна никогда бы не согласилась впустить в свой дом посторонних, но ультиматум Игоря жить с новой женой отдельно от матери сломил её сопротивление. А вот Владимир Николаевич, свёкор, всячески поддерживал Ольгу, он уже успел привязаться к новоявленным внукам, особенно к Вике, учившейся в первом классе. Неожиданно для себя Владимир Николаевич стал дедом, но это не удручало его. Он окружил Вику, очаровательную умницу и непоседу, своей любовью и заботой. Открывая для себя новый мир общения с удивительно рассудительным ребёнком, он подолгу беседовал с ней на самые

разные темы. Младшему сыну Ольги, Василию, скоро должно было исполниться четыре, и он никак не хотел понять, зачем они переехали в новую квартиру.

С Игорем Ольгу связывала настоящая любовь. Это случилось внезапно и всерьёз. Два года она боролась с собой, с бывшим мужем и опасением за судьбу детей. Вот ведь бывает так в жизни, что встреча с незнакомым молодым человеком на новоселье у друзей изменяет всю жизнь. Она никогда не одобряла интрижки замужних подруг или тайные увлечения девчонок на работе, но не высказывала это вслух: у каждого своя жизнь. Когда же появился Игорь, Ольга растерялась – она не могла поверить, что способна сама разрушить семью. Пусть прошла влюбленность, и муж перестал волновать её, но у неё было двое маленьких детей, была семья, долг, в конце концов. Впрочем, чего стоили эти рассуждения, когда она чувствовала объятья Игоря, слышала его голос по телефону, подолгу думала о нём. Её сомнения, её родители, её подруги... Однажды она проснулась с удивительным ощущением уверенности: она решилась. Наверное, во сне что-то произошло с её душой, и долгие переживания обернулись в короткое прощанье. Ольга позвонила Игорю и начала собирать детей. Через два часа они уже уехали из дома, который так и не стал ей родным.

– У нас всё будет хорошо. Если ты есть, Господи, посмотри на меня. Ну что тебе стоит? Наверно, я грешна, но из-за чего. Загляни в моё сердце: там нет корысти, там – лю-

бовь. Я всё выдержу, всё смогу, только помоги мне: пусть с детьми всё будет хорошо, пусть и у него всё сбудется. Он готов пожертвовать своими планами ради меня, ради нас, а это неправильно. Мы ведь не бандиты, не воры. Так случилось, что мы встретились и полюбили. А может, это ты так устроил? Тогда помоги мне, Господи, пусть всё будет хорошо.

Ольга отошла от окна и принялась за уборку. За неделю накапливалось немало дел. Она была благодарна Владимиру Николаевичу за эту передышку, когда он увозил свекровь на дачу. Вслед за ними Игорь, чмокнув её в щёку, убегал на работу. В десять появлялся бывший муж и забирал детей до пяти вечера. Все занимались своим делом, и она в том числе. Уже полгода она живет в этой большой квартире. Ко многому привыкла, да и к ней тоже начинают привыкать. Скажи ей кто несколько лет назад, что она станет «героиней женского романа», не поверила бы. Рождение детей отодвинуло в сторону все мысли о неудачном замужестве, вернее, совершенно обычном, как у многих её сверстниц. «Не бьёт, деньги приносит, что тебе ещё надо», – эта формула никак не устраивала Ольгу, но она с головой окунулась в воспитание детей. А потом грянул гром. Среди ясного неба. Чудно, право слово! Зазвонил телефон.

– Привет, моя красавица. У нас на встрече кофе-брейк. Как ты там?

– Всё хорошо. Убираюсь.

– Слушай, а давай сегодня устроим праздник.

– Давай.

– Я освобожусь часов в шесть и заеду за вами. Поедем в кино или ресторан.

– Лучше – в цирк. Если не сложно, конечно.

– Решено. Сейчас узнаю насчёт билетов. Я перезвоню. Пока. Целую.

– Пока.

Голос Игоря был таким родным, пробуждающим что-то в душе, отчего ей захотелось продлить это приятное чувство. Ольга пошла на кухню приготовить себе кофе. Работа Игоря часто забирала его целиком, и тогда он пропадал на какое-то время, а потом неожиданно выныривал рядом, весь переполненный эмоциями. Он обрушивал на неё свои ласковые словечки, цветы, поцелуи, забавные безделушки, шутки, и она тонула в его нежности, его обожании, в его любви. Как она раньше могла жить без всего этого? Интересно, долго ли может продлиться такое счастье. Ведь всё когда-то кончается. Может быть, но сейчас её время. Она постарается сохранить его, сберечь, во что бы то ни стало...

Неожиданный звонок в прихожей вернул её к реальности. Оставив чашечку с кофе, Ольга поспешила к входной двери. На ходу, взглянув в зеркало, она поправила причёску.

– Mamochka, Vasya opisalsya. Ne rugay ego, on ne narochno.

На пороге стояла Вика, всем своим видом изображая раскаяние. За ней – бывший муж, держащий на руках сына.

– Я нечаянно. Мы катались на горке, и я не заметил.

Младшенький знал, чем разжалобить материнское сердце. Он замолчал и, слегка наклонив голову набок, посмотрел своими чёрными глазами куда-то внутрь её души.

– У тебя всё цело, ничего не болит?

Ольга подалась было к сыну, но остановилась. Каждый раз при встрече с бывшим мужем она испытывала странное ощущение – это было чувство не угасшей привязанности, вины, воспоминаний и ещё чего-то, что вкуче вводило её в какой-то стопор. Она побаивалась этого состояния и старалась как можно быстрее прервать общение.

– Иди ко мне скорее. Ты же уже большой, Василий. Ну, как же так.

Взяв сына на руки, она поспешила в ванную. На ходу остановилась и обернулась к двери. Бывший муж в нерешительности топтался на коврике.

– Ну, заходи уж. Подожди. Я его только переодену.

Пока сын покорно стоял посредине ванной, одежды одна за другой, как капустные листья с кочана, опадали на пол. Он что-то лепетал в своё оправдание, а она серьёзным голосом отчитывала его за проступок, хотя оба знали, что это лишь игра. Мать никогда подолгу не сердилась на него.

– Мам, я кофе тоже хочу. Можно?

– Только обязательно с молоком. Тебе чёрный нельзя.

– Да я знаю.

– Подожди минутку, сейчас приду.

– Мам, да я сама всё могу.

– И я тоже кофе хочу, – забубнил сын.

– Этого только не хватало.

– Хочу, хочу.

– А маленьким мальчикам можно только чай.

– Со сгущенкой?

И хитрые глазки засияли такой радостью, что никакое материнское сердце не в состоянии было бы устоять.

– Вот сейчас пойдём чаи распивать, а папа вас будет ждать.

– А он тоже писать хочет.

Убийственная логика маленького мыслителя не оставила никаких шансов для возражений. Был взят тайм-аут, и кухня наполнилась весёлой возней, визгом и рассказами о катании на ледяной горке и предстоящем походе в обещанный «Макдональдс».

Никто не услышал, как тихонько отворилась входная дверь и вошла Любовь Петровна. Аккуратно сняв пальто и вытерев сапоги, она направилась в ванную. Привычным движением открыв дверь, она замерла от увиденного. Посредине ванной стоял незнакомый мужчина, держа в руках собственные брюки. Похоже, он старательно вытирал пятно, неизвестно откуда появившееся на штанине.

– Что... что Вы себе позволяете? – только и смогла произнести высоким, срывающимся от возмущения на крик голосом хозяйка дома.

Растерявшись от неожиданного появления дамы, бывший

муж даже не нашёлся что ответить. Увидев пылающие в гневом глаза, он в испуге отбросил в сторону брюки, и, сдержав с вешалки полотенце, прикрыл им свои цветастые трусы. Они стояли друг против друга, не отводя глаз в сторону. Охотник и жертва. Оба были неподвижны, лишь ноздри дамы, чуть вздрогнув, судорожно потянули воздух. Затем произошло нечто странное.

Любовь Петровна выскочила из ванной и, прислонившись спиной к двери, обмякла. Её веки на мгновение медленно опустились, а гневное выражение лица исчезло. Она знала, что сейчас нет свидетелей, и дала волю чувствам. На миг. Не столько вид этого полуодетого мужчины, сколько его запах вызвал в ней бурю эмоций. Это был запах мужика, самца. Шлейф его тянулся далеко в её прошлое, где однажды судьба столкнула их – её и того мужчину. Их роман был коротким и страстным. Она была просто одурманена его сексуальностью и кидалась в его объятия, совершенно потеряв голову. Тот мужчина быстро исчез из её жизни, но запах остался в памяти. Навсегда. Замужество её было удачным, в доме всегда был достаток, муж был добрым и интеллигентным человеком, правда, единственный сын пошёл наперекор её воле и женился Бог знает на ком, но это ненадолго, она сумеет ему открыть глаза. Она справится с этой проблемой, но как побороть этот неожиданный приступ.

Иногда зов плоти просыпался в ней: стоило ей почувствовать хотя бы что-то, отдаленно напоминающее тот неповто-

римый запах сексуального мужчины, и она лишалась покоя на несколько дней. По долгу службы муж Любовь Петровны появлялся сопровождаемый ею на приёмах и вечеринках. Она всегда одевалась строго и подчёркнуто консервативно, но для многих мужчин именно это было привлекательно в ней. Они чувствовали её намеренно скрываемую страсть, словно перед ними была запертая в клетке тигрица. Со временем изгибы её тела стали плавней, а лицо округлилось, но взгляд порой говорил, что тигрица ещё в силе. Она никогда не изменяла Владимиру Николаевичу, считала это низким. Однако бывали случаи, когда от появившегося рядом мужчины веяло чем-то, напоминающим тот запах самца, что так волновал её. Она могла чувствовать такого мужчину за несколько метров. Даже умышленно отворачивалась от него, чтобы не выдать себя взглядом, но эти мужчины так хитры – они, как охотники, чуют тигрицу. Впрочем, всегда это были лишь отголоски, отчасти напоминающие тот неповторимый запах страсти, но даже подобные встречи выбивали Любовь Петровну из состояния равновесия, и она боролась с собой, всегда одерживая победу. В такой период её особенно раздражал Владимир Николаевич. Он был мягкий и заботливый дома, корректный на работе, но, когда он, попытив над ней минуту, ложился рядом и, виновато чмокнув в щеку, засыпал, она стонала от зова, пробудившегося в ней. Однако проходило время, и «хандра» успокаивалась, а она продолжала заниматься своими делами.

Все эти воспоминания промелькнули в памяти Любови Петровны за мгновение, пока она стояла, прислонившись спиной к двери в ванную. Она испугалась. Раньше встречались мужчины, чьи ароматы лишь отдаленно напоминали тот запах страсти, что преследовал её всю жизнь. Она научилась контролировать свои эмоции в таких ситуациях, но сегодня... Ей показалось, что мужик в её ванной имел над ней власть. Она даже не успела заметить толком, как он выглядел – молодой, высокий, чернявый – и всё. Взгляд не зацепился ни за одну какую-нибудь яркую черту его внешности, её поразил запах. Он был точно таким же, как тот – у самца. Любовь Петровна будто вдохнула анестезию на операционном столе – она поняла, что сознание и воля угасают. Ещё два-три вдоха – и она потеряет над собой контроль, забудется в единственном желании и кинется на мужчину. Он, вернее, его запах властвовал над ней. Дремавшие в женщине тёмные инстинкты, неудовлетворенные желания, сексуальные фантазии – всё разом встрепенулось и забурлило. Это мужчина в ванной вызвал их, как шаман вызывает тёмных духов. Сердце колотилось, давление подскочило, а ноги не слушались.

Да что это с ней, не свалиться бы в обморок. Любовь Петровна встряхнула головой так, что крашенные кудряшки весело запрыгали по плечам, и осторожно потянула воздух носом, чтобы отогнать навалившуюся дурь, но даже из-за закрытой двери ванной тот запах, перебиваемый ароматом кофе из кухни, вновь напомнил о себе. Сладкая истома растек-

лась по всему телу, ей захотелось сладко потянуться и двигаться, как это делают продажные женщины на панели. «Я пропала», – только и мелькнуло в её сознании.

– Что случилось, Любовь Петровна?

Она открыла глаза. Невестка и дети гурьбой выкатились из кухни и уставились на неё. Медленно отстранившись от двери и указывая на неё, свекровь хрипло прошептала:

– Там какой-то мужчина. Без брюк.

– Да это Васенька описался. Они с мужем ходили гулять, вот и ему досталось.

– И сколько у Вас мужей?

Любовь Петровна не упустила случая поиздеваться над оплошностью невестки. Это помогло прийти в себя, и благородное негодование начало было вытеснять внезапно проснувшуюся страсть. Она ухватилась за роль сварливой свекрови, как за спасательный круг. Заметив, что Ольга собирается что-то говорить в своё оправдание, Любовь Петровна жестом остановила её и шагнула навстречу.

– Да как Вы смеете приводить в мой дом чужих мужиков? Кто Вам дал право...

Её просто распирало от негодования. Лицо исказилось, она готова была броситься на невестку. Ольга, поняв, что возражения и объяснения только усугубят положение, молчала. Дочка прижалась к ней, не осознавала происходящее, но почувствовала опасность, а Василёк неожиданно шагнул вперёд и маленьким кулачком попытался ударить Любовь

Петровну куда-то в бедро.

– Меня? В собственном доме... Да я вас...

– Извините, я тут брюки чистил...

На шум в коридоре, едва приоткрыв дверь из ванной, боком протиснулся бывший муж. Он виновато улыбался и почему-то кланялся. Свекровь внезапно прервала свою гневную тираду на полуслове и стала медленно оборачиваться на голос бывшего мужа. Будто в фильме ужасов, она знала, что ей этого не следует делать, но какая-то неведомая сила подталкивала Любовь Петровну. Все застыли на месте, наблюдая за движением свекрови, лишь Ольга прижала к себе сына.

Элегантно одетая женщина бальзаковского возраста и молодой, помятый мужчина оказались лицом к лицу. Их глаза встретились. Секунду они неподвижно смотрели друг на друга, напоминая двух ночных хищников, остановившихся на узкой тропе. Они будто принимались, стараясь распознать, кто перед ними – враг или друг. Потом их ноздри разом дрогнули, а глаза чуть прикрылись веками. По лицам пробежала едва заметная улыбка блаженства – они одновременно потянули носом. Ольге показалось, что перед ней два наркомана, давно искавших дозу и наконец вкусивших её.

– Нет, я больше так не смогу, – будто через силу выговорила Любовь Петровна и шагнула к входной двери.

Пытаясь снять пальто с вешалки, она даже оперлась рукой о стену. Не оборачиваясь и не говоря ни слова, она поспеш-

но вышла из квартиры. Было слышно, как каблучки её сапог застучали по лестнице – она не стала ждать лифт. Не прощаясь, следом за ней выскочил и бывший муж. Ольга с детьми какое-то время стояли молча, пока Васенька не подошёл к двери и не захлопнул её.

Был весенний солнечный день, соседи неторопливо прогуливались во дворе и разговаривали, лишь Любовь Петровна быстрым шагом шла по дорожке. Она пыталась разобраться в своих чувствах, но они не поддавались, они были сильнее неё. Она не помнила себя такой взволнованной и растерянной, но больше всего на свете она боялась обернуться и встретиться с тем мужчиной. Свежий мартовский воздух наполнял легкие особенным ароматом, но никак не отрезвлял её мысли. Любовь Петровна даже сцепила ледяные пальцы рук, чтобы успокоиться, но и это не помогало. Её мир рушился, а она ещё не решила для себя: становился он лучше или хуже. Она тоже становилась другой.

Впереди замаячила арка над дорожкой из их двора. Любовь Петровна поняла, что, когда она пройдет под ней, что-то непременно случится. За аркой был поворот.

Под андреевским флагом

– Не нравишься ты мне, парень.

Через темные очки я почувствовал строгий взгляд старшего брата и, как в детстве, втянул голову в плечи, ожидая подзатыльника. Похоже, я так и не научился скрывать свои проблемы.

– Ладно. Мы с пацанами после работы покупаться едем. Чтобы в восемнадцать был у меня.

Ободрённый миновавшей меня нотацией, я отправился бродить по городу своего детства. По улицам, пропитанным портовыми гудками, запахом жареной рыбы и маревом июльской жары. По скверам с тополями в три обхвата, которые помнили не только меня, но и босоное детство моего отца. Наверное, только навсегда уехав из родных мест, понимаешь, как много они для тебя значат, как дороги могут быть обычные улицы с истертыми плитками под ногами.

Хотелось ходить и ходить по ним, забираясь подальше от разукрашенных набережных и центральных кварталов с магазинами и нарядными отдыхающими. Казалось, тут все, как и много лет назад: те же домишки из самана, те же абрикосы и яблони во дворах да пахучие раскаленные помидоры на грядках у частных домов. А вот и улица с «мешковым» забором. Отец рассказывал, как в четырнадцатом году в порту затонула баржа, перевозившая цемент. Потом ее подняли,

но цемент затвердел, мешки истлели, и получились соответствующие цементные подушки. Из них выложили забор на целой улице. Так он и стоит, увитый плющом и травой. Приятно положить на него ладони и почувствовать его тепло. Оно проникает внутрь, заполняя спокойствием и безмятежностью. Где-то там, внизу, шумит прибой, слышен смех и музыка. Там до полуночи не смолкает гомон толпы, горят огни и трещат фейерверки. Там проходят митинги и демонстрации, одни флаги сменяют другие, а бюсты и барельефы борются за самые видные места. И только тут все остается по-прежнему, недвижим не только воздух, но и время, кажется, задремало, разморенное тишиной и полуденным солнцем.

Почему моя память так цепко держится за эти неяркие краски, выщербленные камни и растрескавшуюся кору огромного тополя? Похоже, это его морщины, приукрашенные было известью, да смытой озорными весенними дождями. Сколько же тебе лет, дорогой? На улице никого нет, и я могу спокойно обнять его, прислонившись щекой к грубой шершавой древесине. Закрывать глаза и обнимать, обнимать свое детство, своих друзей. Вдохнуть глубоко-глубоко этот неповторимый запах и утонуть во всем этом... Наверное, тут мои корни. Помнится, я как-то гулял здесь с маленькой дочкой и обо всём ей рассказывал.

– Ты похож на Кощея Бессмертного, – сказала она мне тогда.

– Почему? – удивился я.

– А там, на ветках, висит сундук. В нем – шкатулка. В ней – иголка. Сломают ее – и ты умрешь.

Эти слова так глубоко тронули меня, что я запомнил их. Действительно, какой-то магнит притягивает меня. И каждый раз, приезжая в отпуск, я непременно прихожу сюда, как на свидание с детством.

Находившись и надыхавшись воспоминаниями, я заторопился к пристани, где была назначена встреча. Хотя мы жили на одной улице и ходили в одну школу, но друзья брата никогда не были моими друзьями. Они были старше лет на пять-семь, а в то время, это было очень много. Это было просто другое поколение. Господи, как же они постарели. Животы, лысины. Судя по привозившим их машинам и манерам, многие выбились «в люди». Валерка-босс и раньше не был худеньким, а теперь и подавно мог ездить только в джипе. Длинный Стас, как и прежде, стал всех угощать пивом и анекдотами. Женька-Джон, рано женившийся на Соне, нажил много детей и еще больше друзей, но это не истощило его буйной энергии. Витька-лысый только теперь стал оправдывать свое прозвище, полученное в пятом классе, когда он на спор побрил голову. Какие только волосы он ни отращивал и как только их ни красил, это прозвище приклеилось к нему на всю жизнь. Пашка-пон был в своем репертуаре: крикнув из открытого окна машины «народ, принимай», он начал суетиться, постоянно болтая по сотовому и отвечая на все колкости друзей: «Да это Анжелочка приготовила. Она

же знает, что нас много».

Я оглянулся на два коротких гудка – к причалу подходил пограничный катер. Широко расставив ноги, на палубе стоял загорелый Колька-мариман. Я уже не помню точно его фамилии, она была очень созвучна этому прозвищу, что даже учителя так называли его. И не зря: всю свою жизнь он прослужил на кораблях. Обнимаясь и похлопывая друг друга, эти слонята переместились на палубу, а двое матросиков загрузили сумки и ящики в трюм. Закурили и стали поругивать вечно опаздывающего Руслана, по прозвищу Боцман. Он всегда был предводителем в этой команде. Долгое время ходил капитаном на сухогрузах, а теперь, судя по черной «волге», стал не последним замом. Демонстративно «шаркнув ножкой» в знак извинения, он театрально произнес: «Шампанского гусарам», – и действительно, водитель извлек из багажника целый ящик бутылок «Абрау-Дюрсо» с покрытыми фольгой горлышками. Боцман был прощен и, «отдав концы», сторожевой катер «Пронзительный» победжал по портовой глади, оставляя за кормой огромный зеленноватый бурун.

Гусары считали ниже своего достоинства купаться на общественных пляжах вместе с приезжими. Они отправлялись на противоположную сторону бухты, куда ещё не добралась цивилизация. Обрывистые берега с узкой полоской крупных булыжников у самой воды напоминали времена нашего детства. Тогда ещё не было пляжей, переполненных отдыхаю-

щами, машинами и ларьками. Мы ходили в походы, куда теперь можно доехать на машине и выпить в баре холодного пива. Нетронутые когда-то места вдоль моря от Геленджика до Анапы теперь шумят ночными дискотеками. Но мы знаем «белые пятна» где всё осталось по-прежнему. Однако, уже изменились мы сами. Рассекая упругими животами встречный ветер, мы сидели около носового орудия на палубе быстроходного катера, который домчал нас к некому островку детства с припасами, о которых мы когда-то и не мечтали. «Пронзительный» лег в дрейф недалеко от берега. В этом было нечто символическое, мы не ступили на островок своего детства, но были рядом. Как во снах, которые порой возвращают в те далёкие времена.

Все бросились купаться, пока матросики слаженно по-военному натягивали тент, ставили стол и украшали его южными дарами. Корабельная палуба заполнилась несвойственными ей ароматами. Гусары не спеша, пошли на абордаж. Было где размахнуться, произнести тост, вспомнить о былом и разомлеть от всего этого.

К полуночи веселая компания устала и решила освежиться. Скинув последние одежды, они попрыгали в море, гармонично воссоединяясь с природой. Пошалив немного, они успокоились и стали покачиваться на волнах вместе с катером, как большая «противоводочная» флотилия. Ночной бриз, соленая вода и огромные звезды над головой удивительным образом очистили сознание. Осталось только пья-

нящее чувство свободы и братства. Вместе с одеждой они скинули с себя все наносное и ненужное. Вспомнив давно ушедшие годы, они резвились в теплых волнах летней ночи, заражая и меня какой-то бесшабашной радостью. А потом, укутавшись в полотенца, сели на корме и запели старые русские песни. Как наши родители, собираясь после войны за небогатыми столами, всегда здорово пели.

«Пронзительный», понимая настроение команды, шел на самых малых оборотах, бесшумно скользя по отражению звезд и далеких прибрежных огней. И я вдруг увидел, вернее, почувствовал рядом тех самых пацанов, выручавших друг друга на школьной контрольной и в драке с ватагой с соседней улицы, которые могли прыгнуть из окна за поцелуй любимой девочки и отойти в сторону ради друга. Я понял: они собирались здесь, чтобы вспомнить и заново пережить то, что так дорого нам с детства, о чём мы мечтали и хранили в памяти. О чём пели они под Андреевским флагом.

Последний день одиночества

Он проснулся с предчувствием, что сегодня случится то, о чем он так давно мечтал. Бросив все дела, он выкатился на улицу и начал слоняться по городу. Какая-то внутренняя уверенность наполняла его радостью, и он не замечал ни скверной погоды, ни косых взглядов прохожих. Именно сегодня он должен встретить её. Эта мысль пульсировала во всем теле, придавая новые силы. Как часто этот милый образ посещал его тревожные сны. Это не были четкие контуры лица или фигуры, это были ощущения. Чувство любви заполняло его сердце, и удивительная нежность к этой незнакомке превращала его в счастливчика, захлёбывающегося от восторга.

Когда он со стоном просыпался, видение исчезало, и он долго потом не находил себе места. Душевная пустота ещё несколько дней преследовала его. И только большой город с тысячами улиц и горящих по ночам окон как-то спасал его. С необъяснимым упорством он слонялся по всем его закоулкам, то ли ища чего-то, то ли убегая. Почему он так страдал от одиночества, какая сила влекла его к неведомой избраннице? Он не знал ответа. Замкнувшись от всего мира, он заглушал боль какой-то ненужной суетой, изматывающей все оставшиеся силы.

Сегодня его охватило волнующее нетерпение. Оно под-

талкивало его вперед и вперед, манило непонятно откуда-то возникшей уверенностью, что встреча состоится. Как охотник, он рыскал среди тысяч и тысяч встречных в поисках того, что сам бы не смог четко сформулировать. Но он был уверен, что не ошибется. Он беззастенчиво заглядывал в глаза встречным прохожим, пытаясь найти её Лица мелькали сплошным потоком, но ничто не волновало его. Кто-то не обращал внимания на его настойчивость, кто-то недовольно отворачивался, кто-то возмущенно ворчал, но сегодня ему не было дела до их мнения. Сегодня он должен её встретить. Если бы она только знала, как он будет любить её. Как преданно и верно он будет ждать её. Он мечтал, что сможет охранять её сон, защищать от всех врагов и сражаться с ними до последнего своего вздоха. Только бы встретить её. Она сама поймет, почувствует это без лишних слов.

Почему так создан мир, или он сам рожден таким, но потребность любви изводила его. Неужели другие могут так бездушно проживать свои дни, заботясь только о себе. Возможно, они так владели своими чувствами, что замыкали их на себя. Легко встречаться и так же легко расставаться, заботясь только о себе. Может, они научились скрывать свои переживания, а он скулит только потому, что ещё слишком молод и не понял главного. Впрочем, он действительно так и не понял до сих пор, зачем создан этот мир и что он в нем должен делать. Лишь одна уверенность была в нем непоколебима: он должен её найти. Со временем это стало навяз-

чивой идеей, целью его жизни.

Он не знал, как она будет одета, какие будут у неё духи, да и будут ли. Он не знал цвета её волос, но был уверен, что от их аромата его голова закружится. Он не знал, что она скажет ему при встрече, но не сомневался, что сердце застучит сильнее от её голоса. Он узнает, почувствует её. Даже изда-лека. Стоит ему только увидеть её глаза. Он никогда бы не смог сказать, что он ожидал увидеть там, но твердо был уверен, что не ошибется никогда.

Однако если быть честным, то нужно добавлять – теперь не ошибется.

Однажды ему уже так показалось. Правда, это было очень давно, и он вычеркнул из памяти все воспоминания, связанные с этой горькой ошибкой. Он даже не сразу осознал, что остался один, что его просто выкинули, как ненужную вещь. Долго он боролся с непониманием, обидой и болью, клоко-тавшими в груди. Он не мог поверить в такое предательство. Жизнь, казавшаяся солнечной сказкой, обратилась холодной ночью. Но ему повезло. Однажды утром он увидел, как занимается заря. Тогда он решил, что не будет закрывать глаза, каким бы ярким ни было солнце. Уж лучше пусть оно сожжет, убьет его, чем жить с такой болью. Радужные круги и слезы заслонили весь мир, яркий свет заполнил все его сознание, и что-то произошло тогда. После этого ему стали сниться эти странные сны о незнакомке, наполнив, казалось, бесцельную жизнь новым смыслом. Он стал искать встречи

с ней. И сегодня это непременно должно было случиться.

Осенний парк был удивительно хорош. Листопад нарядил в сказочные одежды старые скамейки и давно не убиравшиеся аллеи. Откуда-то из голубой высоты бесшумно опускались на землю разноцветные послания угасшего лета и шуршали под ногами с легкой грустью о чем-то своем. И было так приятно, едва нарушая тишину, бродить по этому шелестящему разноцветному ковру, как бы путая следы и уходя от одиночества. Это была граница между минувшим и предстоящим. И сердце наполнялось нежной грустью, потому что помнит только тепло и доброту. Тут не было тех, кто помнил зло. Те, чьи сердца были полны болью и ненавистью, рвали друг друга на куски в каменных коробках, с маниакальной верой в то, что вершат справедливость. Упокой их грешную душу, Господи. Здесь же, собирались светлые души, умеющие любить и ценившие это больше всего на свете. Наверное, поэтому он забрел сюда в поисках своей избранницы. А может быть, провидению было угодно совершить что-то высокое в этот теплый осенний день. Кто знает, но так бывает, что в нашей суетной жизни мы вдруг останавливаемся и, удивленно озираясь по сторонам, ощущаем непонятную душевную радость. Вроде бы ничего необычного не происходит, но хочется раскинуть руки, закрыть глаза и прошептать: «Хорошо-то как, Господи!». Наверное, те, кто ищет и ждет, более восприимчивы, они могут почувствовать чужую

радость.

Он сразу узнал её. Она сидела на скамейке и ела мороженое в хрустящем стаканчике. Их глаза встретились. Да, это была она. Не осознавая, что делает, он медленно подошел к ней и, склонившись, положил голову ей на колени. Глубоко вдохнул и закрыл глаза, как будто собираясь шагнуть в пропасть. В этот миг он доверил ей свою судьбу, свою жизнь. И если бы она прогнала его, невидимое лезвие гильотины рубануло бы сверху, и вмиг его жизнь была бы кончена. Сердце дрогнуло и остановилось. Наверное, в такие моменты душа готова покинуть брренное тело, если не случится заветное. Она ждет приговора, застыв на миг, в который вся прошедшая жизнь мелькает яркой вспышкой, повторяя в деталях всё пережитое.

Он вздрогнул, почувствовав прикосновение её руки. Очень осторожно она погладила его по голове. Сердце бешено застучало, и он тихонько застонал он нахлынувшего чувства. Новая жизнь всколыхнулась где-то внутри, наполнила все его тело. Она приняла его. Он почувствовал запах её руки. Так похожий на запах матери, когда он слепым щенком барахтался со своими маленькими сестричками и братиками в огромной плетеной корзине, а мать кормила их и так же тепло пахла молоком. Он нашел её. Ту, которую будет любить, ждать и охранять. Ту, которой он пришел отдать свою жизнь и преданность. Необъяснимое наслаждение и радость выплеснулась огромной волной, и он хотел поделиться этим

со всем миром, раздать каждому по полной пригоршне счастья. Потому что этого было так много для одного сердца, что оно могло не выдержать.

Она гладила его так ласково, что он скулил и терся о её колени от избытка нежности, которую не в силах был высказать. Прохожие улыбались, глядя на эту странную пару. Им вспоминалось детство, радость встреч, любовь и ещё что-то самое дорогое, что есть у каждого. Так бывает, когда мы становимся невольными свидетелями другого счастья. А он был действительно счастлив в этот миг, потому что это был его последний день одиночества.

Прощай, любимый город

После обеда ветер начал усиливаться. Поначалу это было забавно, и смельчаки, сонно загоравшие до этого под горячим августовским солнцем, бросались в набегавшие волны прямо с берега, пытаясь спорить с морем. Однако уже через час никто и не помышлял об этом. Начинался шторм. Маленькая бухта, к узкой прибрежной полоске берега которой спускались откосы одной из гор кавказского хребта, где расположились коттеджи нашего посёлка, стала настоящей ареной. Трёхметровые волны врывались с просторов открытого моря и с грохотом обрушивались на берег. Какое-то время они были разрозненными и напоминали отдельных всадников враждебной армии, беспорядочно атаковавших наши редуты, но потом они перестроились в прямые длинные шеренги и стали мощными фронтами налетать с всё возрастающей силой. В предсмертной броске они гулко разбивались о камни пляжа, каждый раз продвигаясь вперед к скале. Как настоящие воины, волны не оставляли погибших и раненых на поле боя – каждый раз они откатывались назад, волоча по дну камни: сначала мелкую гальку, а потом и большие валуны. К шуму волн прибавился глухой стук камней. Море как бы забирало их в плен. Увлекаемые отступающими волнами, камни стонали, перекатываясь и натываясь друг на друга.

Подравниваемый волнами, берег нашей бухты превратил-

ся в идеально ровную дугу. Казалось, что гребни волн достигают пяти метров. Очередной фронт врывался, цепляясь своими краями справа и слева за оконечности выдающихся в море скал, и сосредотачивал всю мощь своего удара на небольшой причал для катеров, расположенный как раз посередине бухты. Настил причала был неслучайно высоко поднят над водой, но в этот шторм такая предусмотрительность не помогала. Когда волна налетала на мост, её верхушка неистово колотила по дощатому настилу. Издалека казалось, что кто-то невидимый бежит по мосту к берегу, и под его тяжёлыми ступнями доски прогибаются, поднимая брызги и жалобно поскрипывая. Затем раздавался протяжный бас разбивающихся о камни волн, за ним – шуршание откатывающейся гальки и перестукивающих камней.

Позже к этим звукам прибавился жалобный вой: это давал о себе знать маяк, который местные жители называли «Ревун». В огромной бочке, укрепленной якорем на отмели, есть поршневой механизм. Раскачиваясь на больших волнах, он издаёт протяжные низкие звуки. Чем сильнее шторм, тем дальше слышен «Ревун». Как привязанное огромное животное, он жалобно стонет под напором волн, предупреждая моряков об опасности. Ощущается что-то безысходное, тоскливое, щемящее сердце в этом протяжном, захлёбывающемся, проникающем глубоко внутрь тела рёве. От него веет смертью. Говорят, он так же ревел десять лет назад, когда в этих местах затонул, столкнувшись с сухогрузом, теплоход

«Адмирал Нахимов».

На юге быстро темнеет, а при густой облачности и подавно. Шторм гнал к берегу не только огромные волны — по небу неслись грозные темные облака. Иногда ветер рвал их в клочья, и в просвет устремлялись лучи заходящего солнца. При этом море вспыхивало кроваво-алым бликом, верхушки волн серебрились, а пенящаяся в тени скал вода у берега принимала голубоватый оттенок. Это продолжалось несколько секунд, и наступали сумерки. Потом луч заходящего солнца прорывался в другом месте, и вспышка повторялась с более темными оттенками. Напоследок почти утонувшее в волнах солнце ослепительно сверкнуло, заливая клочкущее море фантастическим зловеще-багровым заревом. И всё погрузилось в темноту. Чувство тревоги усилилось. Южные сосны гораздо ниже своих северных собратьев, но и они непрестанно раскачивались, отбрасывая причудливые тени от фонариков на асфальтированные дорожки курортного посёлка. Все его обитатели уже насмотрелись на волны и сидели в своих домиках, сетуя на непогоду.

К полуночи гул прибоя и вой ветра достигли небывалой силы и не давали заснуть. Укутавшись, я вышел на веранду. Свистел ветер, брызги летели в лицо. Было тревожно и завораживающе. И хотя под ногами была твердая почва, казалось, что тонкие доски веранды раскачиваются. Мне показалось, что сквозь шум шторма я смог уловить ещё что-то. Я даже закрыл глаза, чтобы сосредоточиться. Напряжение бы-

ло таким, что мне стал безразличным озноб, пробиравший до костей, и промокшая насквозь от солёных брызг одежда. И тут порыв ветра чуть утих, и я отчетливо услышал голос. Повернувшись в том направлении, откуда он доносился, я увидел своего соседа. Он так же, как и я, стоял на веранде своего коттеджа, обеими руками держась за перила. Ветер разметал его одежду и остатки седой шевелюры. В свете раскачивающегося фонаря он то появлялся, то исчезал во тьме. Прилипшая к телу мокрая одежда четко обрисовывала округлый животик. До меня донеслась фраза:

– Прощай, любимый город, Уходим завтра в море.

Как ни странно, это не было смешным или наигранным. Это было так искренне, так соответствовало общему настроению, что далее мы уже горланили вместе:

– И ранней порой мелькнёт за кормой Знакомый платок голубой...

Отрывок

– Ник...

Моё школьное прозвище, произнесённое незнакомым грубым голосом, застаёт врасплох. Пытаюсь разглядеть отражение в мутном зеркале, но, кроме трёх силуэтов за спиной, ничего не вижу. Стараюсь как можно спокойнее повернуться и обойти окликнувших меня парней, но, судя по уверенному движению наперерез мне большой черной куртки понимаю, что придётся задержаться.

Туалетная комната встретившегося по пути кафе почти квадратная. Одна дверь. Кроме нас никого больше нет. До двух светильников, оставшихся за спиной, мне сразу не добраться. Очевидно поняв ход моих мыслей, бородатый мужик, стоящий в центре троицы у двери, одной рукой начинает расстегивать молнию на куртке, а другой потянулся внутрь. Слегка развернутое вперёд правое плечо открывает мне артерию на здоровенной шее. Между нами метров пять, и я не должен промахнуться. Сурикен мягко покидает мою ладонь, даже не блеснув. Ухожу от длинного «мае-гири» слева. «Грубовато, дружок, для такой дистанции», – мелькает у меня в голове, но отмечаю, что ботинки солидные и с ними лучше не встречаться. Предназначенная мне двойка ударов руками в голову подскочившего справа останавливает моё движение. Успеваю сбить атаку в сторону и ответить коротко

справа. Боец откидывает голову, отступая назад. Этого достаточно, чтобы провериться слева. Сурикен резко тормознул на шее Бородатого, и фонтанчик брызнувшей крови проигналил о том, что я был точен.

Нападавший слева гораздо выше меня и предпочитает работать ногами. Вовремя замечаю его согнутую коленку для удара. Чуть качнувшись назад, пропускаю размашистый «маваси-гири» перед собой и коротким «эмпи» встречаю идущую навстречу спину. Судя по мягкому контакту, удар проникает достаточно глубоко, и даже осенняя одежда не спасает от самоуверенности. Он уже не думает о продолжении атаки, а больше всего занят диким импульсом боли, стучащимся от правой почки в мозг. «Извини, но еще пару недель ты будешь вспоминать, как глупо подставился.» Это лирическое отступление мелькает в моём сознании, пока я разворачиваюсь в низкую стойку «зенкутсу-дачи». Остановившись так, чтобы Длинный остался между мной и правым нападающим, краем глаза ищу Бородатого. Он все ещё смотрит на меня, но грузное тело уже скользит по стене вниз. Яд, смазывавший «сурикен», парализовал сердечную мышцу, и несколько минут ему будет совсем плохо.

Однако расслабляться ещё рано: «ёко-тоби» скользит по моей короткой стрижке, и я опять оказываюсь посередине. Вымещая всю свою злобу на моих блоках, Длинный молотит двойками в разные уровни, пытаюсь растащить мою защиту. Давно не вижу Правого и, ориентируясь только по смут-

ной тени на кафеле и интуиции, встречаю его «усиро-гири» в корпус. Похоже, я думаю так же, как он, и мой удар попадает точно в солнечное сплетение, останавливая его на мгновение. Скорее всего, Длинный – новичок в этой связке и от неуверенности может пойти на крайние меры. Тут нельзя упустить ни одной мелочи. Его «микадзуки» всё-таки шлётся на излете мне в левое ухо, и колокольный звон на несколько секунд мешает мне сосредоточиться. Они начинают работать в паре синхронно, и мне всё труднее уходить от одновременных атак.

Подпускаю Длинного поближе, чуть открывая спину справа. Он соблазняется подставкой, и я вижу, как после «дзуки-дзёдан» его руки срываются на круговой разворот, натягивая ногу на мощный «ура-маваси». Да, не дай Бог пропустить такую вертушку. В тот момент, когда он поворачивается на мгновение ко мне спиной, ныряю под уже летящий навстречу кованый ботинок и срубаю, прижавшись к полу, его опорную ногу «хвостом дракона». Оправдывая себя серьёзностью ситуации, направляю всю мощь своей контратаки не на безопасный контакт с тыльной стороной голени, прикрытой напряженной сейчас мышцей, а на боковую поверхность коленного сустава. Сколько раз я слышал этот звук рвущихся связок, но до сих пор что-то сжимается у меня внутри и какой-то холодок заполняет низ живота. Болевой шок у него настолько силён, что спазм мышц не даёт даже крикнуть. Продолжая движение, подныриваю под взмывшие вы-

ше головы ноги Длинного, и по спирали поднимаюсь. Не пытаясь смягчить падение страховкой, он неуклюже грохается на пол, и я слышу, как, смещаясь, хрустят его позвонки.

Оставшись на пару с последним из нападавших, мы секунду всматриваемся друг в друга. В напряжённой тишине четко различаю щелчок пружины стилета, зафиксировавший откиннутое лезвие. Он решил не рисковать. Холодный взгляд и спокойное лицо говорят о хорошей подготовке. Медленно закручиваясь вокруг меня, он начинает прижимать меня к стене. Сосредотачиваюсь на его дыхании и стараюсь уловить короткий вдох перед атакой. Он прячет от меня нож, и мне трудно угадывать вероятную атаку хотя бы по тому, как расположено лезвие в руке. То, что «сурикена» у меня больше нет, для него уже не секрет, и он кидается в атаку. Пропускаю вправо от себя его длинный выпад и ускоряюсь ему за спину. Доля секунды у меня есть, но главное – не увлечься. Его лицо уже передо мной, и взгляд скользит по мне диагональю снизу-слева. Надеюсь, что я не ошибся в направлении его удара. В азарте он не думает останавливаться и, продолжая круговое движение, пытается достать меня. Но я уже жду этого. Щелчком пальцев выстреливаю монетку, извлеченную из кармана на предыдущем шаге, в его правый глаз. Моя рука находится в полуметре от головы нападающего, и резкая боль пронзает его раньше, чем лезвие проходит половину пути. Короткая пауза спасает меня от неприятностей и даёт возможность, как на тренировке, поймать его запястье

и завернуть его на излом. По инерции он еще какое-то время двигается вперед, пытаясь всеми силами затормозить резко нарастающую боль в суставе.

Зафиксировав пикадора лицом к полу, спрашиваю, чем вызван такой интерес к моей персоне. Его сломанное запястье помогает быстро выяснить детали. Без сожаления обламываю лезвие стилета, лежащего рядом. На обломке остаётся номер – это гарантия того, что в любом фирменном магазине Европы его обменяют на такой же новый. Легким ударом в затылок отключаю бойца на пару минут. Этого достаточно, чтобы пробежаться по карманам лежащих курток, собрать сотовые телефоны и блокнотик у Бородатого. Аккуратно забираю свой «сурикен» и возвращаю его на место. Кстати, у здоровяка действительно торчал ствол за поясом. Мне повезло, что это были не профи. Навалив грузное тело «командантэ» на дверь туалета, прикрываю её так, чтобы он ещё какое-то время придавливал вход изнутри. У меня есть минута, чтобы спокойно выйти и раствориться в толпе.

Стараясь не привлекать внимания, медленно прохожу по неосвещенной стороне кафе к выходу. Снаружи все, как несколько минут назад. Никто не курит рядом и не видно припаркованных машин. Пронизывающий ноябрьский ветер помогает сосредоточиться и вспомнить, что куртки у всех троих были холодными. Значит, они достаточно долго петляли за мной по улицам, а не ждали в машине. Узнать незнакомое лицо на вечерней улице сложно. Скорее всего, они «пас-

ли» меня от вокзала или от метро. До назначенной встречи у меня оставалось меньше часа, и нужно было подготовиться. Тогда я ещё не знал, что в записной книжке одного из конфискованных сотовых телефонов найду номер майора, и к удивлению своему открою, что он звонил Бородатому перед нашей встречей дважды.

В тот момент меня больше тревожил вопрос: откуда эти трое знали моё школьное прозвище – Ник. Ведь еще с первого курса ко мне приклеилось прозвище Николсон благодаря какому-то сходству с известным актером и фамилии Николаевский. За последние десять лет я даже привык к нему. Но мне ещё предстояло узнать, что короткий отрывок чужого разговора в баре совсем скоро круто изменит мою жизнь.

Светкина история

Пригородная электричка, сипло свистнув, дернулась навстречу дачам и огородам, оставляя суету и толкотню на привокзальной площади. Какое-то время пассажиры по инерции энергично рассаживались и пристраивали сумки. Затем быстро успокаивались и впадали в полусонное состояние до своей остановки.

Молодая женщина развязала шарф и сняла яркую шапочку с кудрявой головы девчушки лет десяти.

– Светка, не крутись, а то испачкаешь кого-нибудь.

С наслаждением, откусив огромный кусок от румяной булки с изюмом, девчонка принялась рассматривать пассажиров. Рядом сидел дед с окладистой бородой, а у окна – старушка в большом выцветшем платке. От них пахло цветами и медом. Должно быть, они первыми вошли в вагон и устроились в уголке, так, чтобы никому не мешать. Напротив сидели пятеро одинаково одетых то ли парней, то ли мужчин. Небольшого росточка, с чуть раскосыми глазами, они были неопределенного возраста и с очень похожими лицами. Из-под ног одного из них просунулась собачья морда в грубом ошейнике из проволоки. Черный нос энергично вдыхал воздух, очевидно учуяв что-то съедобное. Светка соскочила на пол и, присев на корточки, положила перед собакой кусочек булки. Наклонив морду набок, пес ловко слизнул его и мо-

ментально проглотил. Увидев второй кусок, он рванулся из-под лавки, на которой сидели его хозяева, то ли китайцы, то ли корейцы.

От неожиданности Светка отпрянула назад и прижалась к матери. Глаза у пса были такие грустные и голодные, что она, не колеблясь, протянула ему всю оставшуюся булку. Поводок натянулся, оттаскивая пса назад. Но тот и не думал слушаться. Азиаты загалдели и, навалившись на пса, стали заталкивать его под лавку, то и дело грубо пиная его.

– Да что же это вы животное мучаете! – возмутилась бабка у окна.

– Покормили бы сначала, – вторил ей дед.

Не обращая внимания на эти слова, державший в руке поводок мужчинка больно хлестнул пса свободным концом кожаного ремешка. Тот заскулил, но все равно не желал повиноваться.

– Вы что, ему же больно! – вскрикнула Светка. Все её маленькое тельце дрожало от гнева, но мать крепко держала её в своих объятьях и что-то шептала на ухо, пытаясь успокоить. Огромный пес, очевидно, когда-то был красой и гордостью богатого дома, но теперь, видно, жил на улице. Не чёсанная грязная шерсть свалилась комками, бока ввалились, а в глазах была такая тоска и безысходность, что все присутствующие стыдливо отводили прочь свои взгляды.

– Да они собак едят, ироды, – резанул в сердцах чей-то голос.

– Как это? – Светкины глаза стали круглыми от страха и возмущения.

Весь вагон загудел, корейцы вскочили, дружно размахивая руками и что-то быстро лопоча на своем языке. Светка вырвалась из материнских рук и обняла пса за шею. Тот уткнулся в её курточку, склонив к ней огромную лохматую морду. Очевидно поняв смысл слов, он застыл в ужасе. Хвост был поджат, задние лапы дрожали. Некогда большой, сильный, красивый, он был вышвырнут за борт привычной жизни. Преданный хозяевами, избитый пьянчужками у помойки и проданный бомжами корейцам, он готовился к смерти.

– Не бойся, я тебя не отдам, – шептала Светка. Не обращая внимания на поднявшуюся суету, они стояли обнявшись. Их чистые души встретились. Град пинков и ударов сыпался на пса, пытаясь загнать его под лавку, но тот лишь скулил, прижимаясь к девчужке. Та обернулась и умоляюще посмотрела на мать.

– Mamочка, давай его возъмём. Я ничего больше не буду у тебя просить.

– Да что ты, нас и так пятеро в хрущевке, – оправдывалась мать.

Старик было поднялся на помощь, но был остановлен грубым толчком в грудь. Бабка запричитала, прижимая его седую голову к себе. Пассажиры возмущенно загалдели, но никто не сдвинулся с места.

По проходу медленно двигалась огромная фигура в кирзачах и бушлате защитного цвета. На рукаве проглядывались выцветшие буквы «ВДВ». Мужчина остановился, молча оценивая ситуацию. Также медленно он стал наматывать на левую руку поводок, освобождая пса и подтаскивая к себе упирающегося корейца. Соплеменники кинулись было на выручку. У одного в руке блеснуло лезвие. Правая рука десантника сжалась в огромный кулак у головы держащего поводок корейца. Их размеры были одинаковы. Кто-то из пассажиров пронзительно крикнул, и воцарилась тишина. Широко расставив ноги, десантник держал на поводке азиата, грустно глядя ему в маленькие глазки.

– Я купить собака. Это мой, – залепетал кореец.

– Сам ты собака, – буркнул десантник.

Он порывлся в кармане и сунул ему за шиворот мятую купюру. Вырвав поводок, он оттолкнул испуганного чужестранца с такой силой, что тот, собрав в полете всех своих соплеменников, грохнулся на скамейку.

– Еще раз увижу, закопаю, – попрощался с ним десантник.

Он присел на корточки рядом с обнявшейся парочкой и погладил огромной пятерней все еще дрожащего пса. Светка восторженно смотрела на спасителя, размазывая по щекам слезы. Глаза её сияли радостью и благодарностью, а в светлой душе утвердился вера в любовь и справедливость на этой грешной земле.

Сильвер

Рикки больше всего на свете любил вечернее время, когда хозяин, сварив себе ароматный кофе и плеснув в большой бокал коньяка с тонким приятным запахом, устраивался в большое мягкое кресло у торшера. В эти часы терьеру позволялось разместиться рядом в кресле и положить голову хозяину на бедро. Пёс закрывал глаза от удовольствия и вдыхал запахи – хозяин, кофе и коньяк составляли его мужскую компанию. Сейчас щёлкнут маленькие блестящие ножнички, потом – позолочённая зажигалка, и появится ещё один запах. Рикки не любил дым от сигар, но давно смирился с его присутствием. Рука хозяина, как бы извиняясь за доставляемое неудобство, мягко легла на затылок пса и почесала за ухом. Терьер шумно вздохнул, прощая все грехи своему самому дорогому существу на свете, и затих. Эти люди бывают так неразумны и смешны в своих слабостях, которыми ещё и гордятся. Однако стоит ли бороться с ними, когда можно наслаждаться мужской компанией, забыв обо всём остальном. Иногда в их доме появлялись женщины, принося с собой просто невообразимые запахи лосьонов, кремов и духов. Вдобавок к этому хозяин строго-настрого запрещал Рикки даже приближаться к их лакированной обуви, чтобы он, не дай Бог, вздумал попробовать их на зубок. Правда, некоторые из этих женщин, стараясь завоевать расположение Рик-

ки, протягивали ему в тёплой ладонке самые вкусные кусочки со стола, и он их охотно принимал, делая вид, что не замечает, как хозяин подсказывал это гостю.

Опять зачирикала эта маленькая блестящая штучка с кнопками. Хозяин всегда носил её в нагрудном кармане домашней рубашки и говорил с ней. В зависимости от того, какой мелодией эта штука прочирикает, хозяин выбирал интонацию голоса и длительность разговора. Одну из таких мелодий Рикки очень не любил: после неё хозяин вскакивал, быстро собирался и надолго исчезал из дома. На этот раз мелодия была едва знакомой.

– Привет, привет. И тебя так же! Заходи, конечно.

Рикки недовольно заворчал. Опять кого-то нелегкая несёт. Вчера хозяин ушёл куда-то на всю ночь, а теперь к ним кто-то собирается. Впрочем, никаких резких движений не последовало, значит, это не женщина, и они не будут наводить порядок, и суетиться на кухне. Скорее всего, кто-то из приятелей, которому срочно нужна помощь. Некоторые из них приносили с собой такие странные запахи, которых Рикки никогда не встречал в городе. Тогда гость усаживался в соседнее кресло, и они беседовали долго-долго. Под звуки их неторопливых разговоров он даже засыпал, а потом неожиданно вздрагивал и просыпался, когда собеседники начинали громко смеяться над чем-то своим, непонятным собачьему уму.

Звонок в коридоре заставил их обоих встать с кресла и

направиться к входной двери. Конечно, Рикки опередил хозяина и, потянув носом под дверью, уже знал, что с другой стороны стоит невысокий бородатый обладатель ботинок на рифленой подошве со шнурками. Теперь обувь чаще бывает с застежками на «молниях» а этот знал толк в шнурках! Они были толстые и очень длинные, а главное, обладатель этого богатства прощал Рикки его слабость. Когда мужчины уйдут в комнату, он останется в коридоре и, не торопясь, начнёт расшнуровывать ботинки с рифлёной подошвой, извлекая длинные шнурки. А потом-то он займется ими по полной программе! От предвкушения предстоящей забавы Рикки завиллял хвостом.

– Ты уже пронюхал, бродяга. Это Борис, со своими замечательными ботинками.

Хозяин произносил его имя с ударением на первую гласную, подчеркивая близкие отношения с гостем. Дверь распахнулась.

– С Новым годом, Иваныч!

– И тебя, Боря. А где Снегурочка?

– Слушай, зачем нам девчонки? Я вдову прихватил.

– Это которую?

– «Паскине»! Ты же к ней равнодушен.

И Борис протянул из-за спины пакет с обозначившейся в нём округлой бутылкой. Заметив высунувшуюся мордочку терьера, визитер улыбнулся. Достав из кармана упаковку новых длинных шнурков, он подмигнул Рикки. Тот понимающе

ще завиллял хвостом. Мужчины озорно переглянулись.

– Входи скорее, вдову застудишь.

Хозяин помог гостю раздеться и, похлопывая по спине, пригласил в комнату. Оглянувшись на терьера, застывшего у ботинок с рифлёной подошвой, улыбнулся и нарочито строго приказал:

– Охраняй.

Вот чем хороши мужские компании, так это тем, что каждый сам занимается своим делом и не мешает другим. Рикки это было по душе, и он надолго оставил мужчин наедине.

– Боря, давай-ка без церемоний. Бери, что найдешь в холодильнике полезного и тащи на столик у торшера. Надеюсь, ты не торопишься.

– Вот за что я тебя уважаю, Иваныч: ты всегда смотришь в корень.

– Мы ещё не пообщались со вдовой, а уже об уважении заговорили.

– Ну, я к тебе действительно с разговором, но – о другом.

– Ладно, давай сначала – за Новый год.

– Будем!

Мужчины редко обсуждают одежду или случайно обронённую сослуживцем фразу, но могут заикнуться на спорте или автомобилях. Если же эти темы их не объединяют, они могут с удовольствием помолчать, отдавая должное хорошей выпивке и сигаретам. Отсутствие за столом женщин избавляет от необходимости быть внимательным и разговор-

чивым. С годами это нравится всё больше, и появляется досада, что мужские клубы, на манер английских – для молчунов, у нас ещё не прижились.

Коньяк «Вдова Паскине» в округлой плоской бутылке с крупными латинскими буквами «ХО» и гаванские сигары располагали к неторопливой беседе. За окном заканчивался первый день нового года, привнося какую-то грусть и легкое разочарование. Независимо от возраста, мы всегда ждём лучшего и надеемся, что вот теперь-то ему самое время прийти, но, когда ничего особенного не происходит, мы с грустной улыбкой посмеиваемся над собой, пряча подальше заветные желания.

– Ты знаешь, Иваныч, мы с ребятами редко пьём коньяк, а вот с тобой он так душевно ложится. Наверное, и я когда-нибудь дорасту до такого...

– Ладно, выкладывай. Какие проблемы?

– Беда, Иваныч.

– Так уж и беда, год только начался.

– Так в том-то всё и дело. Ты помнишь Германа? Одно время нырял с нами. Ну, высокий такой, длинные волосы с проседью. С дамами своими всё никак не мог разобраться и нас подключал.

– Гера... Гера-сват!

– Точно. Он своих знакомых девчонок вечно нашим пациентам сватал.

– Помню-помню. Я тогда из-за Галки его и развёлся.

Впрочем, давно было. Лет двадцать прошло.

– Ну, не в этом дело. Он давно отошёл от дайвинга. Бизнесменом стал. Пропал лет на десять, а тут объявился месяц назад с заманчивым предложением. Представляешь, Гера купил островок на Сейшелах! Затеял там для богатеньких небольшой дайвинг сделать с развлечениями. Положить на дно метрах на двадцати старую шхуну с пробоиной, сундук с пиастрами, ну и прочее. Местные умельцы за такую работу цену назвали немереную, вот он о нас и вспомнил. Предлагает оплатить перелёт и проживание, а мы ему за неделю всё сделаем по сценарию. Плюс ещё по две недели в год на обслуживание его топляков и отдых на острове нашей команде на тех же условиях. Сам понимаешь, ребята эту наживку сразу заглотили. Тут как раз каникулы, вот мы и собрались в четыре пары.

– Я уже начал завидовать...

– Но у Сереги 31-го свадьба.

– Слышал.

– А ты с его Светкой знаком?

– Нет, я ведь «завязал» после того случая в Австралии в девяносто седьмом. Кроме тебя, почти никого не вижу.

– Помню. Ну, так вот. Светка уважает только горные лыжи. Раньше как-то дальше споров, что лучше лыжи или акваланг, не заходило. А на свадьбе она решила вопрос ребром поставить. Втихаря купила обоим путёвки в Андорру. И сегодня Серега звонит мне оттуда и говорит, что неделю его не

будет. А у нас на завтра билеты!

– И что ты предлагаешь?

– Иваныч, выручай! Я с Германом уже поговорил – он всё устроит. Нужно только твоё согласие. Решайся! Я от всех ребят тебе в ножки упаду. Клянусь, что твой акваланг носить буду пожизненно.

– Да старый я уже для этого. Неужели в Москве дайверов не осталось?

– Так ведь Серега обслугой компьютеров и всей техники занимался. Кроме тебя, никто не справится. Эти ж все – топ-менеджеры. Они только кнопки нажимать умеют.

– А ты что же? Давно ли админом был?

– Иваныч, я ещё хуже. На клавиатуре только две кнопочки знаю – да и нет.

Коньяк не только располагает к беседе – он помогает держать паузу. Его глубокий неназойливый вкус постепенно проявляется, заставляя прислушиваться к новым ощущениям. И тут никто не вправе прервать затянувшийся процесс.

– Слушай, Борис, я тут...

– Иваныч, я обо всем подумал. Рикки пристроим у Андрюшкиного тестя, у него тоже терьерчик. За тобой заедем и назад потом привезем. С женой твоего шефа моя Тамара давняя подруга, если надо – уговорим. Давай загранпаспорт, я продиктую данные Герману, и все без тебя решится. Оплата и хлопоты тебя не коснутся. Мы, конечно, ничего не заработаем, но и не потратим. А места там какие! Выручай, а?

– Знаешь, у тебя сейчас глаза, как у Рикки, когда он нашкодит.

– Иваныч, проси, что хочешь.

– Да я, правда, решил ремонт затеять на каникулах.

– Вернёмся через неделю, мы тебе его за пару дней сделаем.

– Ловлю на слове.

– Иваныч, а вода там как слеза, островитянки – Афродиты...

– Ладно, когда вылетаем?

В аэропорту «Шереметьево» было многолюдно. Нежданные двухнедельные зимние каникулы многие старались использовать для активного отдыха, ограничиваясь только средствами. Подтянутые молодые люди с большими сумками, откуда виднелись горные лыжи и сноуборды, весело шумели в очередях на регистрацию. Это лет двадцать-тридцать назад студенты и инженеры с рюкзаками и гитарами разъезжались на поездах в дальние уголки некогда огромной и любимой страны. Теперь успешные бизнесмены и менеджеры запросто улетают развлекаться в чужие страны.

– Иваныч!

Небольшая группа загорелых молодых ребят в модных дорожных спортивных костюмах радостно приветствовала подтянутого крепкого мужчину, который выглядел со стороны, как тренер.

– Берём вещи, посадку объявили. Иваныч, помоги.

Подшучивая друг над другом, и вспоминая забавные случаи прошлых поездок, восемь человек, увешанные сумками, проходили таможенный контроль.

– А что это у Вас тут, Владимир Иванович? Строгий голос таможенного офицера остановил уже немолодого мужчину. Лейтенант смотрел то на монитор, то на хозяина большой кожаной сумки.

– Вещи, – как можно спокойнее ответил тот.

– Ваши вещи? – не унимался таможенник.

– Мои.

Откуда-то появились два крупных милиционера и стали рядом с мужчиной.

– Вам придется пройти с нами, – неожиданно произнес лейтенант.

– А в чем, собственно, дело?

– А вот там всё и выяснится. Пройдемте. Уверенный тон таможенника подкрепили цепкие руки служителей закона. Они давно обзавелись солидными животиками и вряд ли могли быстро передвигаться, но как два якоря выглядели солидно. Сопротивляться не было смысла, да и спутники куда-то пропали. Пока задержанного сопровождали в служебное помещение, очередь молча наблюдала за происходящим. Очевидно, каждый перебирал мысленно содержимое своих сумок, чтобы избежать подобного.

В небольшом помещении за толстой дверью с предупреждающей надписью стоял агрегат, напоминающий рентге-

новский аппарат в поликлинике. Милиционеры остановились у двери, а таможенник поставил сумку Владимира Ивановича в недра упомянутого агрегата. Появились две ассистентки в униформе и стали помогать лейтенанту просматривать содержимое сумки на мониторе агрегата.

– Давненько мне такое не попадалось, – с нескрываемым удовольствием загадочно прошептал таможенник.

Он явно гордился собой, давая всем понять, кто тут главный.

– И что же Вам так приглянулось? – как можно спокойнее спросил задержанный, хотя сам лихорадочно пытался понять происходящее.

– А Вы и не знаете?

– Ничего необычного там быть не может. Мы с друзьями летим покупаться на недельку. Возможно, снаряжение для дайвинга, но ведь оно не запрещено.

– Похоже, кто-то из ваших решил не возвращаться, – съязвил таможенник.

– С чего Вы взяли?

– А Вы сами взгляните.

И лейтенант жестом пригласил задержанного подойти к монитору. Тот посмотрел – и холодный пот выступил не только на его спине. В сумке был отчетливо виден скелет взрослого человека. Шея и колени были неестественно повернуты в сторону. Очевидно, чтобы упаковать его сумку.

– Думаете, ему взяли билет в оба конца? – продолжал свой

чёрный юмор таможенник.

Наверное, он уже мысленно ковырял новые дырочки на погонах. У Владимира Ивановича начали рождаться самые невероятные гипотезы, объясняющие случившееся. Неизвестно, куда бы они завели взволнованного мыслителя, но в коридоре послышался шум, потом какая-то возня, и, несмотря на двух упитанных милиционеров, в комнату ввалилась целая толпа. Было видно, что одни сопротивлялись, а другие прорывались внутрь. В конце концов, молодость победила, и тучные охранники сдались.

– Произошла нелепая ошибка, товарищ лейтенант. Это не труп, – задыхаясь от волнения и физических упражнений с группой охранников, выпалил Борис.

Стоявшие рядом с ним дайверы утвердительно кивали и рвались открыть сумку, но ассистентки преградили им дорогу.

– Охрана! – взвизгнула одна из них.

– Да не волнуйтесь вы, это не труп. Это – скелет. Настоящий скелет, – пытались объяснить дайверы, но только подливали огонь в масло. Разрядил напряженную ситуацию высокий худощавый парень. Он достал из кармана какой-то листок и подал его лейтенанту. Тот долго перечитывал что-то, потом рванул сумку. Покопавшись в ней, он медленно опустился на стул и, сдвинув фуражку на затылок, глупо улыбнулся. Листок пошёл по рукам, и вслед за ним нарастала волна смеха.

– Да говорю же вам, это настоящий скелет. Мы его в магазине учебных пособий купили. Хорошо я догадался справку у них взять. Ребята подшучивали надо мной, чтобы я имя вписал, а вот и пригодилась. Да посмотрите сами: он на капроновой нити и проволоке. Это реквизит для оформления подводной сцены.

Скелет был извлечен из сумки. Озорные руки подхватили его, и он начал размахивать конечностями, здороваясь с милиционерами и пытаясь обнимать ассистенток. Смеялись все, кроме таможенника. Внеочередные звёздочки, как метеориты, пролетели мимо его погон, стора в воображении, и он начал мысленно зашивать приготовленные для них дырочки. С двумя бутылками шампанского появился Борис. Освобождение Иваныча быстро и весело обмыли. Ещё не придя в себя от пережитого, он очнулся в самолётном кресле. Дайверы наперебой поздравляли его с боевым крещением. Подаренная ему в качестве компенсации за волнение бутылка «Хеннеси» была тут же откупорена и выпита, а он так и не понял, был ли это розыгрыш или случайное стечение обстоятельств.

Взлетно-посадочная полоса на Сейшелах располагалась на одном из небольших островов. Казалось, что пилоты, вспоминая своё военное прошлое, просто пикировали на неё из облаков. Лайнер со свистом и вибрацией тормозил всеми своими шасси и закрылками, а пассажиры, глядя в иллюминаторы, невольно пытались помогать им ногами, вдавливая

их в пол. Очевидно только это да ещё, пожалуй, бесшумная молитва на губах верующих и не очень верующих, останавливали огромный лайнер у самой кромки. Двигатели затихали, и обалдевшие от маневра пассажиры проворно покидали блестящую птицу. Очевидно, не они первые в эйфории торопились подальше уйти от этого места, ибо опытные служащие аэропорта настойчиво отлавливали их, пытаясь толковать, что вещи свои лучше взять сразу.

Пока небольшой автобус петлял по узкой извилистой дороге к пристани, прохлада кондиционеров и вездесущий юмор неунывающих дайверов привели всю команду в нормальное состояние.

- Иваныч, а твой-то как переносит такую посадку?
- Плохо, он ведь «Хеннеси» не принимал.
- Тщательнее надо с товарищем, Иваныч.
- Предлагаю ему красные трусы подарить. Мужчина он или нет?
- А Иваныч его специально не одевает, чтобы у островитянок первым быть.

Погрузив снаряжение на небольшой быстроходный катер, вся команда растянулась на белоснежной палубе. Удивительно чистая голубая вода, отсутствие волн, приятный морской воздух завораживали. Небольшие острова с рваными выступами и отвесными скалами утопами в буйной зелени. Привыкший к серым российским равнинам, глаз не мог оторваться от этой красоты. Безбрежный голубой океан и кро-

хотные острова, которые хотелось взять в ладони и бережно рассматривать, приводили в восторг.

Часа через два катер пришвартовался у ярко-красного причала небольшого островка. Дайверов встречал седовласый подтянутый мужчина с холеным властным лицом. Все почтительно здоровались с ним и называли Германом, и лишь Иваныч, подойдя последним, сухо сказал:

– Привет, Гера. Не жалеешь, что связался со мной?

– Да брось ты, Иваныч. Всё давно улеглось. Я сам предложил. Рад тебя видеть. Надеюсь, у нас будет время вспомнить молодость.

Не теряя времени, команда разместилась в небольших, но очень комфортабельных номерах гостиницы и отправилась заниматься любимым делом. Дайверы, как малые дети, готовы вечно возиться со своими игрушками. Их останавливает только строгий режим погружений и обязательного отдыха, который необходим для восстановления организма. Первые погружения самые длительные и чарующие, а вот последующие приходится сокращать. Нигде на земле не найти такого разнообразия форм и расцветок жизни. Увидевший это однажды становится пожизненно больным, страждущим повторения первых ощущений, и стремящимся к новым открытиям. Причем это увлечение одно из самых дорогих, но болезни не выбирают.

Согласно плану, составленному Германом, команда уже через пару часов приступила к работе. Недалеко от острова

проходил подводный риф. Его верхушки никогда не поднимались над поверхностью, делая встречу абсолютно неожиданной. На одном из его склонов лежало стилизованное под старину судно. В задачу дайверов входило сделать сцену гибели максимально правдоподобной и интересной для начинающих ныряльщиков.

Постепенно восторг сменился работой, нелегкой и небезопасной. У судна появилась жуткая пробоина, сломанные мачты, оборванные снасти. Повсюду дно устилали предметы старинной утвари. Причем её запасы в служебных помещениях отеля на острове предусматривали, что часть из них станет сувенирами. Внутренние помещения затонувшего судна тоже заполнялись специально состаренными медными и бронзовыми подделками. В кают-компании был сооружен дубовый комод с дорогими винами. У капитана судна была спрятана карта другого острова с зарытыми сокровищами. Каюта штурмана хранила коллекцию мушкетов и холодного оружия. На камбузе можно было отыскать красивые блюда с чеканкой, а в каютах люкс для состоятельных пассажиров была спрятана одежда и фамильные драгоценности.

Конечно, все это было подделкой, но для начинающего ныряльщика такой трофеем стал бы самым дорогим в коллекции.

Коридоры и палубы затонувшего судна перегораживали всяким хламом по тщательно разработанному плану. Он подразумевал максимальную реальность и безопасность од-

новременно. В укромных уголках отводились места для запасных аквалангов, а кое-где были оборудованы аварийные люки, которые легко открывались с обеих сторон, но явно видны не были. Ребята даже смонтировали аварийное освещение, которое было так искусно замаскировано, что порой они сами искали его.

Работа была и интересной и трудоемкой одновременно. Время летело незаметно. Дайверы лишь по вечерам собирались вместе на веранде отеля, чтобы обсудить сделанное и просто пообщаться. Погружаясь парами, они почти не пересекались в течение дня и только по вечерам отводили душу. Вышколенный персонал отеля молчаливо и аккуратно делал своё дело, не общаясь с посетителями. И лишь поздно вечером с явного дозволения Германа служащие принимали участие в разговорах с применением жестов и распространенных английских слов. Это всегда интересно узнать: как и чем живут другие. Иногда они пели друг другу свои песни. Москвичи – под гитару песни бардов, а островитяне надевали пышные юбки из зеленых листьев растений и пускались в пляс, распевая хором. Стройные, с огромными карими глазами девушки, поборов стеснение, касались светлой, едва загорелой кожи москвичей и застенчиво хихикали. Потом пускали смоляные, выющиеся до пояса волосы и пускались босиком в пляс. Молодежь везде одинакова, даже если говорит на разных языках. Такие посиделки заканчивались далеко за полночь, когда на бездонном черном небе проявлялись

незнакомые созвездия.

– А ты почти не изменился, Иваныч.

– Да и ты, Гера. Разве что седины прибавилось.

– Кого-нибудь из наших встречаешь?

– Редко. Если ты о Галке спрашиваешь, то летом видел.

– Как она?

– У неё две девчонки. Сейчас уже студентки.

А сама директриса бутика одежды из Италии. На Полянке. Я как-то искал светлый пиджак, вот и встретились. Тебя вспоминали. Располнела, но все такая же хохотушка.

– Что говорит?

– Да кто из нас молодость ругает. Для многих всё в розовом цвете осталось.

– Я бы хотел всех наших сюда пригласить. Поможешь?

– Что-то я последнее время в помощники выбился. К чему бы это?

– Ладно, не ворчи. Давай соберемся здесь на недельку – райское место.

– Место отличное, только вот не всем сюда билеты заказаны.

– О деньгах пусть не беспокоятся. Я устрою. В феврале будет встреча выпускников, вот там бы и договориться.

– Чего скромничать? Приезжай сам и приглашай.

– Нет, Иваныч. У меня дела, да и будет лучше, если ты это сделаешь.

– Ох, лиса... Ладно, проблем нет.

В последний день приводили в надлежащий вид дно около затонувшего корабля. Тут очередь дошла и до привезённого скелета. По сценарию он должен был изображать последнего оставшегося в живых из экипажа. Его нарядили в изодранную одежду, на пояс укрепили кривую саблю и мушкет. Череп опоясали чёрной косынкой, а к левому запястью прикрепили развалившийся сундучок с монетами, коих отчеканили из медного листа в великом множестве. Профиль испанского монарха отблескивал на двадцатиметровой глубине солнечными зайчиками и манил к себе даже тех, кто знал об этой уловке. Поза, в которой смерть настигла безумца, говорила о том, что он до последней секунды стремился вытащить сундучок на отмель. Упрямец был не одинок в своём стремлении погибнуть за металл. Ребята с таким увлечением работали с ним, что всё получилось очень натурально. Будто трагедия разыгралась совсем недавно, и всё осталось нетронутым, лишь истлевшая плоть напоминала о времени. Скелеты и сокровища в нашем сознании неразделимы.

Сначала в шутку, а потом и абсолютно серьёзно все начали называть прикованного к сундучку Сильвером. Трудно было вспомнить, кто первым так назвал его, но это имя просто прикипело к несчастному. Наверное, потому, что каждый вложил в эту работу, и в него частичку своей души, и обращаться к несчастному было удобно именно так.

Прощались наскоро, пряча глаза, в которых наворачивались слёзы. Было нестерпимо жаль уезжать из этого райского

уголка, не только гостеприимно принявшего дайверов, но и ставшего временным домом из-за вложенного труда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.